

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

П Р И Б А В Л Е Н І Я КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ

ГОДЪ ХVIII.

№ 16

АВГУСТА 15.

С Л О В О

ВЪ 7-ю НЕДѢЛЮ ПО ПАСХѢ.

Се есть животъ вѣчный, да знаютъ Тебя, единого истиннаго Бога и Ею же послалъ еси Иисуса Христа». (Иоан. XVII. 3).

Это-слова Господа Иисуса Христа изъ Его молитвы къ Богу, Отцу своему. Когда послѣ тайной вечери, на которой подъ видомъ хлѣба и вина приобщалъ Онъ учениковъ своихъ—Св. Апостоловъ тѣла и крови своей, что бы тѣмъ крѣпче, на всю жизнь, заключить съ ними союзъ и ввести ихъ въ новый завѣтъ съ Богомъ—Отцемъ своимъ. По уходѣ Иуды къ первосвященникамъ, что бы имъ предать Его, Онъ вставъ съ вечери, отправился съ ними въ Геоеиманскій садъ, бывшій за Іерусалимомъ. На дорогѣ говорилъ имъ о скорой разлукѣ съ Нимъ, много утѣшалъ ихъ, говоря, что они опять Его увидятъ, что послѣ вмѣсто себя, пошлетъ имъ другаго утѣшителя—Духа Святаго. Но предъ потокомъ Кедронъ, чрезъ который нужно было переходить въ тотъ садъ, возвелъ очи свои къ небу и такъ молился: Отче! прославь Сына своего, что бы и Сынъ твой прославилъ Тебя. Ты далъ Ему власть надъ всякою плотью,

чтобы всему, что Ты далъ Ему, Онъ даровалъ жизнь вѣчную. А ихъ вѣчная жизнь состоитъ въ томъ, чтобы познали Тебя, единого истиннаго Бога и котораго Ты послалъ, І. Христа. Я возвѣстивъ имъ имя Твое, такъ что теперь они уже уразумѣли, что все, что Ты мнѣ ни далъ, все отъ Тебя,—всѣ слова, которыя Ты мнѣ далъ, приняли и истинно уразумѣли, что Я дѣйствительно изшелъ отъ Тебя,—увѣровали, что точно Ты послалъ Меня. И такъ молю Тебя: соблюди ихъ во имя Твое, что бы они были едино, какъ мы. Впрочемъ не объ нихъ только молю такъ, но и о всѣхъ прочихъ, которые, по слову ихъ, въ Меня увѣруютъ, да будутъ всѣ они едино,—какъ Ты во мнѣ, а я въ Тебѣ, такъ и они всѣ да будутъ едино въ насъ, да чрезъ то увѣруетъ и весь міръ, что точно Ты меня послалъ. Изъ этой молитвы видно, что наша вѣчная жизнь—въ союзѣ съ Богомъ, какъ источникомъ всякой жизни, но чтобъ войти намъ въ живое общеніе съ Богомъ, въ какомъ самъ нашъ Господь І. Христосъ, то первѣе всего знать Единого истиннаго Бога, а за тѣмъ и Его, какъ Сына Божія и нашего І. Христа.

Въ чемъ же состоитъ вѣчная жизнь, для которой нужно войти намъ въ союзъ съ Богомъ? Почему для нея нужно быть непременно въ союзѣ съ Богомъ? Почему для того, чтобы войти въ союзъ съ Богомъ, нужно прежде быть въ союзѣ со Христомъ? а для этого прежде всего знать, какъ единого Бога истиннаго, такъ и котораго Онъ послалъ, Иисуса Христа, и въ какой степени требуется отъ насъ это познаніе? Вѣчная жизнь, по словамъ Господа, состоитъ въ такомъ тѣсномъ союзѣ съ Богомъ, какъ бы мы были съ нимъ едино. Ибо что такое вѣчная жизнь? Можетъ быть кто слыша слова о вѣчной жизни, подумаетъ, что это состояніе будущей жизни за гробомъ, или по общемъ воскресеніи мертвыхъ? Нѣтъ, вѣчная жизнь не въ продолженіи только нашей жизни за гробомъ по всеобщемъ воскресеніи мертвыхъ, а въ продолженіи ея по тому образцу, какой Богъ положилъ въ глубинѣ нашего духа, въ основаніе нашей жизни, или показалъ въ заповѣдяхъ, данныхъ намъ

чрезъ своихъ избранныхъ,—то есть въ святости и истинѣ, хотя бы мы оставались еще на землѣ и жили во времени. Чтоже до жизни грѣшной, то хотябы она продолжалась у насъ и пѣ-
 лья вѣка, хотя бы и никогда не имѣла конца, есть не жизнь, а смерть. Жизнь грѣшника и до смерти есть уже смерть, а по смерти и воскресеніи,—она—сугубая смерть. Только святая жизнь въ писаніи называется въ собственномъ смыслѣ жизнью, а грѣшная—смертію потому, что первая,—то есть святая есть одна у насъ съ Божественною,—съ тою жизнью, которою живетъ самъ Богъ, источникъ всякой жизни, такъ какъ, по словамъ Апостола Петра, она нѣкогда сдѣлаетъ насъ причастниками Его Божественнаго естества, а потому, какъ въ самомъ Богѣ, и блаженная, въ чемъ собственно и полагаемъ мы жизнь, ибо среди мукъ какая же жизнь?, а послѣдняя, то есть жизнь грѣшника называется смертію, потому собственно, что она есть уклоненіе, такъ сказать отъ нормы, или образца истинной жизни, что-то подобное уродливому наросту на деревѣ, или на нашемъ тѣлѣ. Это видно уже и изъ того, что первыя уклоненія человѣка отъ внушеній его совѣсти, пока еще не совсѣмъ притушилось въ насъ нравственное чувство, всегда и у всякаго сопровождаются стыдомъ, страхомъ и другими чувствами, возмущающими нашъ внутренній міръ. А вѣчно онъ называется потому, что, если та, или другая жизнь утвердится въ человѣкѣ,—обратится въ характеръ, въ вторую нашу природу, то та и другая перейдетъ съ нами и въ вѣчность,—съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь, среди смутъ житейскихъ, въ обществѣ съ людьми незаконными, по духу мертвыми, среди различныхъ отъ нихъ огорченій и озлобленій, внутреннее блаженство людей праведныхъ временами возмущается, а тамъ эти чувства внутренняго міра и радости, у праведнаго человѣка сдѣлаются ровнѣе, чище и возвышеннѣе, а у грѣшниковъ—напротивъ, здѣсь, среди житейскихъ своихъ дѣлъ и различныхъ развлеченій, въ обществѣ подобныхъ имъ, они не чувствуютъ внутри себя смерти, а представляются, въ своихъ гла-

захъ еще счастливыми, а въ глазахъ прочихъ возбуждаютъ къ себѣ зависть, а тамъ оставшись наединѣ съ своею совѣстію, они почувствуютъ всю пустоту въ душѣ своей.—какъ бы разложеніе потерянной жизни, напрасно распалаясь алчною и жаждою того, чѣмъ одушевляли себя здѣсь, но чего тамъ уже не можетъ быть....

Вотъ въ чемъ вѣчная жизнь! что же возможна она внѣ союза съ Богомъ? Правда, что источникъ душевнаго мира и радости праведника,—въ чемъ Апостоль Павелъ и полагаетъ внутри въ насъ царствіе Божіе,—въ немъ самомъ,—въ Его святой, праведной жизни,—есть послѣдствіе, такъ сказать, внутренняго гармоническаго настроенія его жизни. Но отъ чего зависитъ такое настроеніе? Не Богъ ли главный, такъ сказать, ея настройщикъ? Еслибъ въ человѣкѣ не было вѣры въ союзъ Бога съ нами, если бы онъ вообразилъ себѣ, что Богъ живетъ въ недосыгаемой для насъ высотѣ, безъ всякаго сочувствія къ своимъ твореніямъ, или что Его вовсе и нѣтъ, то развѣ сталъ бы онъ помышлять тогда о святости и правдѣ, особенно, когда такая жизнь не только не приноситъ ему ни какой здѣсь видимой пользы, а напротивъ еще сопряжена съ большими трудами, огорченіями, обидами, со стороны такихъ людей, для которыхъ и своя и чужая правда служить только помѣхою для ихъ земныхъ интересовъ и которыхъ, по этому, какъ искателей вѣчной жизни, такъ особенно ея проповѣдниковъ, какъ людей самыхъ досадныхъ, преслѣдуютъ и насмѣшками, и клеветой, и всякаго рода озлобленіями? Очевидно нѣтъ. Кто не знаетъ, что только религія поддерживаетъ между нами добрую нравственность и благочестіе,—а религія-то и есть, что въ писаніи называется *союзомъ* нашимъ съ Богомъ. Собственно основаніемъ въ насъ святой жизни, какъ мы ужъ замѣтили, служить образъ Божій, который, какъ святое сѣмя, сокрытъ въ глубинахъ нашего духа. Но пока подливникъ этого образа существуетъ въ насъ, какъ только голая, отвлеченная мысль, эта мысль слабо возбуждаетъ въ насъ стремленіе къ святой

Богopodobной жизни. Впечатлѣнія знаемыхъ предметовъ, насъ окружающихъ, особенно тѣхъ лицъ, среди какихъ приходится намъ жить и съ которыми приходится безпрестанно входить въ разныя по дѣламъ житейскимъ, отношенія, голосъ чувственной природы, часто требующей отъ насъ со всеѣмъ противнаго тому, чего желалось бы намъ, при мысли о Богѣ, еще болѣе притупять въ насъ тѣ впечатлѣнія, какія должна бы производить въ насъ память о Богѣ. Время отъ времени, среди суевъ житейскихъ, эта мысль свѣтитъ намъ изнутри все тусклѣе и тусклѣе и наконецъ отъ нее остается въ насъ только слово: *Богъ*,—какъ чистая форма безъ опредѣленнаго содержанія. Но, когда мысль о Богѣ напоминаетъ намъ о живомъ высочайшемъ существѣ, съ которымъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ можемъ мы сходиться, повѣряя Ему всю свою душу,—всѣ тайны своего сердца,—самыя сокровенныя желанія и скорби, въ надеждѣ что, въ крайнихъ нашихъ нуждахъ, Онъ и не возможное для насъ, по своей безконечной къ намъ любви и своему всемогуществу, можетъ сдѣлать возможнымъ, сильно превозмочь въ насъ всякое неприятное со стороны впечатлѣнiе. Да и что собственно насъ утѣшаетъ, радуетъ, когда мы сдѣлаемъ какое нибудь доброе дѣло? Развѣ въ самомъ дѣлѣ самое это дѣло? Совсѣмъ нѣтъ, а, въ большей, или меньшей степени, внутреннее убѣжденіе, что мое дѣло должно быть приятно Богу. Это—то сознаніе слабиваетъ для насъ каждое доброе наше дѣло, и чуднымъ образомъ облегчаетъ его намъ, если оно истинно доброе,—или то, что я при этомъ предощущаю, или ужъ и ощущаю въ себѣ благоуханіе Его присутствія.

Ходи предо Мною и будь непороченъ, говорилъ Господь одному изъ древнѣйшихъ нашихъ патриарховъ Еноху, то есть поступи всегда, какъ бы ты былъ всегда на моихъ глазахъ и это сдѣлалось правиломъ всей его жизни, какъ повѣствуетъ о немъ наша св. Библия—Енохъ дѣйствительно, во всю свою жизнь, ходилъ какъ бы предъ Богомъ и за это, не испыталъ смерти, живымъ взятъ на небо. Мысль, что самъ Господь

всегда при мнѣ, дѣлаеть два дѣла, — предохраняеть меня отъ всякаго грѣха и побуждаеть на всякое доброе дѣло. Когда я помышляю о худомъ, она возбуждаеть во мнѣ страхъ, а когда помышляю о добромъ и творю доброе, сладостное чувство любви къ Нему, а съ тѣмъ вмѣстѣ больше и сильнѣе воодушевляеть меня на новое доброе дѣло. Любовь къ Богу, привлекающая Его къ намъ любовь, расширяеть наше сердце для любви не только къ братьямъ, живущимъ въ одномъ съ нами союзѣ съ Нимъ, и ко всѣмъ другимъ подобнымъ намъ людямъ, какъ созданнымъ по Его же образу но и ко всей природѣ, во всѣхъ существахъ, валоминающихъ ее, и явленіяхъ, — во всемъ, какъ въ зеркалѣ отражающей въ себѣ Его дивныя совершенства, — Его безпредѣльную, на примѣръ, благодать, любовь, премудрость и всемогущество, или, по выраженію Апостола Павла, *Его присносущную силу и Божество*. Безъ отношенія къ Богу, привязанность къ природѣ, даже любовь къ роднымъ братьямъ и сестрамъ грѣховна, такъ какъ, изъ за привязанности къ любимымъ такимъ предметамъ, человекъ болѣе, или менѣе, ослабѣваеть въ любви Божіей. Почему Господь говоритъ: *кто любитъ отца или мать, или брата, сестру, жену и проч. паче Мене, нѣсть Меня достоинъ*. Но когда мы любимъ и братію свою, и весь Божій міръ не ради себя, не ради и ихъ самихъ, а ради Бога, — по своей любви къ Нему собственно, или когда все это любимъ въ Богѣ, тогда эта любовь будетъ святая любовь, и такая-то любовь и закрѣпляетъ нашъ союзъ съ Богомъ. *Богъ*, по выраженію Апостола Іоанна, *Богъ весь есть любовь*. А потому *пребывающій въ любви*, по его же заключенію, *въ Богѣ пребываетъ и Богъ въ немъ*. Такъ объ ней говоритъ Апостоль потому, что она всѣмъ нашимъ добродѣтелямъ придаетъ особенный, такъ сказать, аромать. Апостоль Павелъ, изчисливъ самыя важныя добродѣтели, заключилъ свою рѣчь однимъ словомъ, но *безъ любви все это, — то есть изчисленные имъ добродѣтели, ни что*. Такое единеніе человека съ Богомъ только выше и полнѣе будетъ въ будущей жизни? Но

начало ему полагается въ здѣшней жизни. Изъ словъ той молитвы Господа Иисуса Христа къ Отцу, какую мы начали нашу бесѣду, видно, что такого единенія Онъ желалъ всѣмъ вѣрующимъ еще на землѣ. Сказавъ: *Отче! соблюди ихъ во имя Твое, да будетъ все едино, какъ мы едино съ Тобой, такъ да будутъ едино съ Нами и они*, продолжаетъ, *да увѣруетъ весь міръ, что Ты Меня послалъ и возлюбилъ ихъ какъ возлюбилъ еси Мене*, гдѣ подъ міромъ разумѣть этотъ самый міръ, въ которомъ мы живемъ теперь. И Апостоль Іоаннъ побуждая вѣрующихъ ко взаимной любви, какую возлюбилъ насъ Богъ, чѣмъ къ тому побуждаетъ? Тѣмъ, что *пребывающій въ любви*, говоритъ, *въ Богъ пребываетъ, а Богъ въ немъ*. Если такое тѣсное общеніе съ Богомъ зависитъ отъ любви, то въ какой бы степени ни была она въ нашемъ сердцѣ, лишь бы была она чистою въ Богѣ, какъ мы замѣтили прежде, то мы должны быть увѣрены, что и всякій изъ насъ еще въ этой жизни можетъ быть въ такомъ же съ Нимъ союзѣ; такъ что о всякомъ, въ комъ она ни есть, можно сказать: *Богъ въ немъ пребываетъ и Онъ въ Немъ*. Такъ какъ первымъ условіемъ нашего союза съ Богомъ служить святая, правильная жизнь, то таинственный союзъ между нами и Богомъ завязывается съ того времени, какъ человѣкъ, проникаясь страхомъ Божіимъ и чувствомъ своей грѣховности, начинаетъ раскаиваться въ своихъ грѣхахъ и дѣятельно заботиться объ исправленіи своей жизни, по заповѣдямъ Божіимъ, а рѣшительно закрѣпляется, когда, по мѣрѣ исправленія, чувство страха Божія замѣняется въ немъ благоговѣйнымъ и святымъ чувствомъ любви къ Богу, — когда человѣкъ начинаетъ исполнять все, заповѣданное имъ не по страху, а по одной только этой любви, — принимаетъ заповѣди Божіи, не какъ строгій приказъ господина, а какъ голосъ собственнаго своего сердца. Чѣмъ больше возрастаетъ въ немъ это святое чувство и чѣмъ оно становится чище отъ всякихъ постороннихъ возбужденій и съ большею ревностью устремляется къ соответственной дѣятельности, тѣмъ союзъ его съ Богомъ

становится тѣснѣе, крѣпче и живѣе, такъ, что время отъ времени, онъ приходитъ въ большее и большее сочувствіе съ Богомъ, а потому все болѣе и болѣе чувствуетъ потребности къ молитвенному съ Нимъ сообщенію, находитъ въ этомъ особенное услажденіе, умиротвореніе своему духу и подкрѣпленіе, или, по молитвѣ, получаетъ нужную ему помощь, выказываетъ въ себѣ даже особенные благодатные дары Святаго Духа, — дары, на примѣръ, изцѣленій, прозрѣнія въ тайны сердца другихъ и пророчества, а по смерти и самое тѣло, бывшее сосудомъ духа такихъ людей, дѣлается сосудомъ той же благодатной силы, кака въ продолженіи ихъ земной жизни, наполняла ихъ души.

Какъ союзъ любви, этотъ союзъ долженъ быть не вынужденный, а *возникательный свободный*, а потому и *обоесторонний*. Это видно изъ самаго его названія, въ Священномъ Писаніи. Мы этотъ святой союзъ по иноземному привыкли называть *религіею*, что значитъ на нашемъ языкѣ *связь* или правильнѣе *перевязка*. Этимъ словомъ религія выражаетъ обновленіе, или возстановленіе того первоначальнаго и естественнаго союза, въ которомъ находились первые наши прародители и который ихъ грѣхопаденіемъ былъ расторгнутъ, но въ священномъ Писаніи онъ и до пришествія Христа иногда назывался — *завѣтомъ*. А что значитъ это слово: *Завѣтъ*? Иногда тоже, что по нашему *контрактъ*, *договоръ*, какъ свободный союзъ двухъ договаривающихся сторонъ, иногда же тоже, что *завѣщаніе*, въ которомъ самъ завѣщатель обуславливаетъ лица, коимъ завѣщаетъ. Что на этотъ союзъ съ Богомъ требуется отъ каждаго изъ насъ своя добрая воля, это видно изъ установленія Вѣтнаго Завѣта, въ которомъ нѣкогда вступилъ было Богъ съ однимъ Израильскимъ народомъ, при посредствѣ ихъ пророка Моисея. Когда по выходѣ Израильтянъ изъ Египта, Моисей оставивъ народъ свой при горѣ Хорявъ, самъ взошелъ на сосѣднюю гору Синай, гдѣ Господь обѣщалъ вступить въ завѣтъ съ своимъ народомъ, Господь прежде всего повелѣлъ ему на-

помнить народу то благодѣяніе какое онъ оказалъ имъ, перенести ихъ чрезъ море, какъ на крыльяхъ орлиныхъ, и спросить народъ, согласенъ ли онъ будетъ исполнять все, что ему будетъ заповѣдано, съ общаніемъ, что только въ такомъ случаѣ Онъ сдѣлаетъ изъ него народъ святой, — будетъ считать ихъ за свой собственный удѣлъ и самъ будетъ надъ нимъ царствовать. Когда народъ далъ клятвенное общаніе исполнять все, что бы Господь имъ ни заповѣдалъ, тогда-то повелѣлъ всѣмъ имъ пригнуться къ торжественному вступленію въ предположенный съ ними завѣтъ, и, когда всѣ козны Израилевы были приведены къ Синаю, тутъ Господь явилъ свое присутствіе не предъ Моисеемъ только, а торжественно въ глазахъ и въ слухъ всѣхъ народовъ, и условія своего Завѣта — 10-ть заповѣдей, въ трубномъ гласѣ передалъ ему. Трубный гласъ — это громогласный голосъ, съ высоты Синайской горы, изрекавшій 10-ть извѣстныхъ заповѣдей, подобный звукамъ величайшей трубы, проносившій каждое слово закона къ самымъ дальнимъ рядамъ стоявшаго у горы народа. Апостолъ Павелъ кажется, разумѣть здѣсь совокупный гласъ множества ангеловъ, какъ служителей Иеговы и вѣстниковъ Его воли, какъ В. Завѣтъ называетъ *вннненныхъ ангелами*. Если жъ прочія заповѣди, служившія въ пополненіе и объясненіе первыхъ десяти, потомъ передавалъ народу чрезъ Моисея, то только потому, что народъ, устрешенный первымъ явленіемъ славы Божіей, самъ избралъ его себѣ въ посредники.

Какъ ветхій завѣтъ имѣлъ значеніе завѣщанія, или контракта между двумя сторонами, вступающими между собою въ союзъ, то тоже самое значеніе имѣетъ и Новый, то есть тотъ самый завѣтъ, въ который мы вступили съ Богомъ, при посредствѣ Господа Иисуса Христа. Въ В. Завѣтъ, со стороны чловѣка, требовалось во всей точности соблюдать данныя Богомъ заповѣди, ни въ чемъ отъ нихъ не отступать подъ опасеніемъ проклятія и смертной казни, а потому каждый даже и невольный грѣхъ, (грѣхъ немощи или нечаянности) очищать

закономъ положенными жертвами, при Скинии Свидѣнія, во
 всѣхъ нуждахъ обращаться къ Нему съ молитвами и за всякое
 добро приносить Ему жертвы благодаренія; а со стороны
 Бога,—что Онъ самъ будетъ ихъ Царемъ, принимать отъ нихъ
 молитвы, доставлять имъ все необходимое для жизни, долголѣтїе,
 богатство и славу между всѣми язычниками, среди которыхъ
 дано будетъ жить ему и т. п. А въ Новомъ Заветѣ со сторо-
 ны чело́вѣка, вмѣсто прежнихъ дѣлъ закона, состоявшихъ
 большею частію, въ исполненіи *наружныхъ* обрядовъ и поряд-
 ковъ, требуется особенно чистота *внутренней* жизни, внушаемая
 не страхомъ предъ Богомъ, а единственно *любовію*, а со сторо-
 ны Бога—въ прежнія обѣтованія становится уже второсте-
 пенными, а на первомъ планѣ поставлены высшія обѣтова-
 нія, которыя относятся ко *внутреннему* чело́вѣку и къ жизни
будущаго вѣка, а въ залогъ таковыхъ благъ обѣщано каждому,
 по мѣрѣ нашей вѣры, обильное изліяніе даровъ Святаго Духа.
 Наконецъ этотъ Заветъ Бога съ чело́вѣкомъ есть заветъ
вѣчный, потому что, какъ въ В. Заветѣ, такъ и въ Новомъ,
 запечатленъ кровію, а какъ *изъ крови* животнаго приносимаго
 въ жертву, по замѣчанію Моисея, *душа его* т. е. животнаго,
 слѣдъ и его жизнь, то изъ этого ясно видно, что въ этихъ
 двухъ заветахъ союзъ Бога съ чело́вѣкомъ заключился на жизнь
 и смерть. Въ В. Заветѣ, по возвѣщеніи всѣхъ условій завета,
 по прочтеніи всего заповѣданнаго Богомъ, по принесеніи
 жертвы отъ лица всего народа, какъ эта священная книга, гдѣ
 Моисей начерталъ все Богомъ заповѣданное, такъ и весь свой
 народъ, вводимый въ заветъ съ Нимъ, Онъ окропилъ жертвен-
 ную кровію. Не то же ли сдѣлалъ и Господь Иисусъ Христосъ,
 когда, по возвѣщеніи ученикамъ своимъ воли Отца своего Не-
 беснаго, вводя ихъ въ новый съ Нимъ Заветъ, въ ту же са-
 мую ночь, въ какую сыны Израилевы должны были вкушать
 своего таинственнаго агнца, служившаго Его прообразомъ,
 а двери домовъ своихъ окропили кровію этого жъ агнца? Воспо-
 мянувъ эту древнюю вечерю, совершавшуюся въ Египтѣ, и,

въ заключеніе своей, подавая хлѣбъ каждому изъ нихъ, говорилъ: *пріимите и ядите: это есть тѣло мое, за васъ проливаемое во оставленіе грѣховъ*, а потомъ подавая чашу съ виномъ, сказалъ: *пейте изъ нея всѣ: это кровь Моя, — кровь новаго завета, за васъ проливаемая, во оставленіе грѣховъ?* И тамъ, и здѣсь все кровь и кровь; кровь закрѣпляетъ оба завета. Эта кровь должна смѣшаться съ нашею кровію, — съ кровію, которая, по слову Моисея, есть душа всякаго живаго существа, приносимаго въ жертву, чтобъ заключенный заветъ могъ войти во всю свою силу.

Въ ветхомъ заветѣ вѣрующіе во всякомъ Богослуженіи должны были входить въ общеніе съ Богомъ не иначе, какъ при посредствѣ жертвы изъ животныхъ. Въ Новомъ Заветѣ при посредствѣ жертвы Христовой. Всегда ли было такъ? Нѣтъ. Было время когда человекъ былъ въ непосредственномъ союзѣ съ своимъ Богомъ, — въ такомъ же, въ какомъ и доселѣ святыя Ангелы, да только не на долго. О первыхъ нашихъ родоначальникахъ въ Библии сказано, что они каждый седьмой день должны были оставлять дѣла свои и весь этотъ день посвящать на общеніе въ Богомъ. Богъ въ такіе дни, въ видимыхъ знаменіяхъ, являлся имъ въ раю и бесѣдовалъ съ ними какъ человекъ съ человекомъ. Это былъ союзъ естественный. Основаніемъ его служило то, что они созданы были по образу Божію. Но когда, по наущенію діавола, явившагося имъ во образѣ змія, они нарушили данную имъ заповѣдь Божію не вкушать отъ плодовъ запрещеннаго имъ древа и чрезъ то омрачили въ себѣ святой образъ, по какому были созданы, съ тѣхъ поръ хотя союзъ ихъ съ Богомъ и несовершенно былъ расторгнутъ, но имъ заповѣдано было входить въ это общеніе уже не непосредственно, какъ было доселѣ, а непременно при посредствѣ жертвы и жертвы именно кровавой, то есть во имя какого то лица, которое для очищенія ихъ отъ грѣха и спасенія отъ вѣчной смерти, должно было пожертвовать собственною жизнію, чтобъ уничтожить дѣла

дiавола, то есть всѣ роды зла, въ какое вовлекъ ихъ дiаволь и такимъ образомъ вновь ввести челоуѣка въ блаженный союзъ съ Богомъ. Ибо изрекая предъ симъ проклятiе дiаволу, какъ главному виновнику ихъ паденiя, Господь, въ утѣшенiе ихъ, какъ-бы такъ сказалъ ему: обольщенные тобой не навсегда останутся во твоей власти. Нѣтъ, *Я поставлю вражду между тобою и женою, то есть между стѣменемъ твоимъ и стѣменемъ жены, и ты будешь уязвлять его только въ яту, но Онъ,* — то есть сѣмя жены, — *сокрушитъ тебѣ самую голову.* 5000 лѣтъ это таинственное лице служило точкою соединенiя челоуѣка съ Богомъ, пока наконецъ неоткрылось, что это таинственное лице, это святое сѣмя жены есть самъ Сынъ Божiй, благоволившiй родиться отъ Пресвятой Дѣвы Марiи, — воспрiять въ утробѣ ея наше челоуѣческое естество и содѣлаться подобнымъ намъ челоуѣкомъ, — подобнымъ по всему, кромѣ грѣха, чтобъ пробудить всѣхъ отъ духовнаго усыпленiя, во всѣхъ возбудить жажду вѣчной жизни, а для этого во всемъ челоуѣчествѣ, во имя свое, открыть вражду и какъ бы нѣкую брань противъ дiавола и всѣхъ его клеветовъ. И хотя злое змiное сѣмя съ тѣхъ поръ, какъ стала Онъ возбуждать противъ него весь мiръ, многократно уязвляло Его *въ яту*, то есть, какъ челоуѣка, или — по Его челоуѣческому естеству, и довело наконецъ до того, что Онъ пролилъ Свою Святѣйшую кровь на крестѣ, но эта святѣйшая кровь, какъ кровь Богочелоуѣка, пролитая добровольно, собственно за насъ, освятилъ наше падшее естество, открыла доступъ всему челоуѣчеству, болѣе, или менѣе, по мiръ вѣры и усвоенiя себѣ Его Божественной жизни, — къ такому жъ почти тѣсному общенiю съ Богомъ, въ какомъ наше естество находилось въ Его Божественномъ лицѣ, — всему челоуѣчеству, — не современному только Ему и будущему; но и когда нибудь до Него бывшему, потому что *бывъ умертвленъ по плоти, но оживъ духомъ*, Онъ, говоритъ Апостоль Петръ, въ день своей крестной смерти, по общему для всякаго челоуѣка

закону, какъ человекѣмъ — низхадилъ и по падъ рау канѣмъ вѣтъ въ Сынъ Божій — вѣхъу канѣмъ давно вѣровавшихъ да такъ — и дѣу вѣровавшихъ только съ Него, — бывшихъ тамъ, извѣдъ изъ плениа *дiавола* и въ проповѣданное. Имъ царствои небеса оехъ Господь И Христосъ Самъю Себѣи сказахъ: «никто зен не можетъ придти ка (Отцу, только) Мноюи. И такъ о союзѣтнашы съ Богомъ, возможенъ теперь не иначе, какъ въ приид посредствѣ о Господа И Христа: еко дѣю по Божественному Своему естеству. Онъ близкъ къ Богу, своему Небѣсному Отцу, етолько и иноу естеству человеческому, доступенъ и въ себѣи намъ. Вотъ почему, то гово ряю о вѣчнои жизни, Онъ ли сказахъ, дѣто вѣчная жизнь чело вѣковъ — въ томъ, и тобы имъ знать не только единаго и истиннаго Бога, но и посланнаго къ намъ Господа И Христа. Въ самомъ дѣлѣ, ели дѣя о приобрѣтении жизни вѣчнои, и намъ нужно бытъ въ союзѣ съ Богомъ, истонникомъ и нашей жизни, иа для того, и съ посланнымъ къ намъ отъ Него, дѣ Сынѣмъ Его Господомъ И Христомъ, то какъ же намъ не позаботиться о томъ, чтобы приобрѣсти правильное, или вѣрное, познаніе о Нѣмъ и о другомъ Божественномъ лицѣ? — Кто ищеть въ общеніи и съ другимъ неизвѣстнымъ? Какъ мы заключаемъ между собою и союзы, или такъ называемые у насъ контракты? Не стараемся ли напередъ собрать все и нужная къ тому, свидѣнія, какъ о лицахъ, съ которыми намъ вѣрныи ихъ завлечать, такъ и о бѣдъ, словъ, и какія со стороны насъ потребуются? Когда заключаюте ся съ супружескіе, иа примѣръ, союзы, и не собираюте ли иа вѣдѣеи всѣхъ свидѣній со стороны жениха, о невѣстѣ, иа со стороны невѣсты — о женихѣ?.. Такъ и всякому, желающему вступить въ живой союзъ съ Богомъ, какъ въ таинкѣи таинственнѣи съ Нимъ бракъ, оужно прибрѣсти и самыя вѣрныя иа иа возможно, сти о Нѣмъ познанія, — не о лицѣ. Едо только, но и обо всѣхъ Его дѣлахъ, — самыя вѣрныя, — потому что, безъ этаго мы о не будемъ имѣти вѣрнаго взгляда на все дѣто, иа видѣлается. И въ насъ, иаи даже и въ насъ самихъ, оне разумѣи единаго истиннаго Бога, иаи никогда не оуразумѣемъ даже о самихъ иа себя, иа

съ тѣмъ вѣстѣ и отношеній, въ какихъ мы должны бы быть къ міру, — къ другимъ подобнымъ намъ существамъ, не сумѣемъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, почему наша завѣтъ на такихъ условіяхъ, а не на другихъ; — то естѣ почему наша религія требуетъ отъ насъ такихъ дѣлъ, а не другихъ; — ни того, что разумѣемъ подъ тѣми обѣтованіями, какія намъ даровалъ Онъ всѣмъ вѣрно-исполняющимъ Его заповѣди. Если смѣшивая Его въ одно съ міромъ, вообразимъ себѣ, что о мірѣ — это Онъ самъ, въ разныхъ степеняхъ развитія, тогда намъ ничего не останется дѣлать, какъ спокойно предаваться всѣмъ влеченіямъ своей чувственной природы, не ожидая по смерти продолженія личнаго бытія. Если, совершенно отдѣливъ Его отъ міра, вообразимъ, что міръ есть матерія преобразованная въ разные виды тварей, силою Его Божественнаго разума, Онъ живетъ въ мірѣ, въ такомъ случаѣ выйдетъ, что Онъ — или не благо и не всевѣдущъ, и благо и всевѣдущъ; — но не всемогущъ, и, слѣдовательно, напрасны всѣ наши къ Нему молитвы, и что по смерти насъ ожидаетъ одна судьба со всѣми матеріальными предметами и намъ опять ничего тогда не остается, какъ наслаждаться здѣсь, чѣмъ и какъ кто и можетъ. Если, вмѣсто одного Бога, вообразимъ себѣ цѣлый міръ боговъ, — такихъ же плотныхъ, какъ и мы, съ тѣми же самыми страстями и превосходящихъ насъ только силою и разумомъ, — что каждая страна имѣетъ своихъ боговъ и богинь, какъ въ бриллиантовыхъ язычникахъ, тогда между насъ неминуемо должна исчезнуть всякая добрая нравственность. Такъ важно имѣть вѣрное понятіе о Богѣ, то естѣ умѣній, какъ и умѣній, и азятъ, и хинезъ, — и тѣмъ не менѣе то. Вожь самое слѣдуетъ намъ сказать о лицѣ Господа І. Христа, какъ нашего посредника въ союзѣ съ Богомъ, — тѣмъ болѣе, что безъ Его посредства, мы не могли бы имѣть такого близкаго доступа къ Богу, — чтобы могли надѣяться войти съ Нимъ въ такое общеніе, въ которомъ могли бы достигнуть вѣчной жизни. Никто, говорилъ Онъ, не можетъ придти — имѣть близкаго доступа къ Моему Отцу, токмо Мною. Какъ

нашъ великій посредникъ, Онъ называется въ Исайи и пророкомъ нашимъ и первосвященникомъ, и царемъ, — или нашимъ руководителемъ къ вѣчной жизни въ общении съ Богомъ, но вѣдь это необыкновенный пророкъ, первосвященникъ и царь, каковыхъ было всегда много. Такъ нужно же намъ знать, что это за лицо, чтобы намъ безъ ошибки достойно воспользоваться Его посредничествомъ. Если бы мы признавали Его какъ только человека, хотя бы самаго совершеннѣшаго, одареннаго всеми дарами избранника Божія, какъ и дѣлаютъ въкоротые, тогда Его Божественное учене не имѣло бы такого въ насъ авторитета, какой мы приписываемъ Ему теперь; не приписывали бы такой важности той великой жертвѣ, за которую Онъ искупилъ насъ отъ порабощенія грѣху и смерти; не рѣшались бы возлагать на Него такой надежды, во всякъ случаѣхъ, на пути къ вѣчной жизни, съ какою только и можно входить въ борьбу съ развращеннымъ міромъ, среди котораго живемъ съ первыхъ дней по рожденіи, съ своими страстями и съ корнемъ ихъ — съ своимъ самолюбіемъ, — короче, съ самими собою и особенно съ давнымъ челоукоубійцею — дьяволомъ, со времени перваго нашего грѣха въ лица нашихъ прародителей, овладѣвшимъ нашимъ сердцемъ. Если будемъ видѣть въ Немъ самаго Бога, явившагося намъ только въ подобіи нашей плоти, какъ тоже учили и некоторые древніе жезучители, то опять было бы непонятно, что же это за посредникъ между нами и Богомъ, когда Онъ самъ Богъ и ничего неимѣетъ въ себѣ челоуческаго, кромѣ вида, — если плоть Его была только призракъ. Выходило бы, что и всѣ Его за насъ страданія, Его смерть и воскресеніе и вознесеніе — все это было бы тоже одинъ призракъ. Когда жъ узнаемъ, что это былъ ни челоукъ только, ни Богъ только, а Богочелоувъ, — вчелоувъчійся Сынъ Божій, то, какъ ни велика эта тайна, она объясняетъ намъ всѣ прочія тайны нашей святѣйшей вѣры. Какъ въ Сынѣ Божіемъ наше естество непричастно грѣху и обращено въ чистый сосудъ, способный къ воспріятію Бо-

жественной жизни, а Божественное естество, не встрѣчая прежней себѣ преграды,—свободно входитъ въ общеніе съ человѣкомъ; такъ и желающему войти въ живой союзъ съ Богомъ, прежде нужно войти въ такой союзъ съ этимъ великимъ посредникомъ,—Господомъ І. Христомъ. Если же для союза съ Богомъ нужно намъ предварительно имѣть вѣрное познаніе о Богѣ, то естественно заключить, что и для союза со Христомъ предварительно нужно имѣть такое же познаніе и о Немъ.

Знать и какъ можно вѣрнѣе знать намъ Господа І. Христа необходимо не только потому, что Онъ есть единственный нашъ посредникъ предъ Богомъ; но и потому, что безъ Него мы не могли бы пріобрѣсти даже истиннаго и возможно полнаго для насъ познанія и о Богѣ. Много и говорили, и писали не только по Откровенію Божию различные посланники Божіи, каковы въ древности всѣ были пророки и мудрецы разныхъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ, но внушенію самой разумной своей природы, въ основаніи которой сокрытъ образъ Божій, но внушенію даже природы всего міра, въ которой тагъ же отражается образъ Божій; но всѣ эти познанія, въ сравненіи съ тѣмъ, какое сообщено намъ въ ученіи Господа І. Христа, такъ ничтожны, что, въ заключеніе послѣдней своей молитвы къ Отцу своему предъ страданіями, которою мы начали нашу бесѣду, Онъ сказалъ: *«Миръ тебя не позналъ; только я зналъ Тебя, да теперь познали они»*—т. е. ученіе Его. Кому было лучше знать Бога, какъ не Моисею, съ которымъ Онъ бесѣдовалъ, какъ бы лицомъ—къ лицу. Но Ап. Іоаннъ говорить: *«Бога никтоже видѣ ни гдѣ же. Единородный Сынъ, сый въ лоно Отца, той исповѣда.»* Моисей значить видѣлъ Бога не такимъ каковъ Онъ въ своемъ существѣ, а какимъ Богу угодно было явиться, потому что Самъ Богъ сказалъ: *«Никто же узритъ лица Моего и живъ будетъ.»* Но Сынъ Божій, какъ «сый», по выраженію Апостола, «въ лоно Отца», видѣлъ Его конечно, какъ Себя;

такъ какъ, по существу своему, и Онъ такой же Богъ истинный, какъ и Его Отецъ. Когда Господь І. Христосъ сказалъ однажды Апостоламъ своимъ: «теперь же вы познали и какъ бы видѣли Его, т. е. Бога, одинъ изъ нихъ, (Филиппъ) подумавъ, что Бога въ самомъ дѣлѣ можно видѣть, какъ мы видимъ другъ друга, въ радости воскликнулъ: *Господи! покажи намъ Отца, и довольно намъ*» и этого т. е. съ насъ было бы довольно, т. е. такъ довольно, что намъ ни чего бы и не хотѣлось отъ Тебя. Чтоже Господь сказалъ Ему на это? — *Видѣвший Мене видѣ Отца, и како ты глаголеши: покажи намъ Отца? Не вѣруеши ли, яко Азъ въ Отца и Отецъ во Мнѣ есть. Глаголю, яко Азъ глаголю вамъ, о себѣ не глаголю* (т. е. говорю не отъ себя): *Отецъ же во Мнѣ пребывая, той творитъ дѣла* (т. е. это Онъ чрезъ Него дѣлаетъ все, что ни дѣлается). *Вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отца, и Отецъ во Мнѣ есть: аще ли же ни, за та дѣла вѣру имате Ми?»* (Іоанн. XIV. 9—11). Не напрасно у того же Апостола Господь І. Христосъ называется «Словомъ», сущимъ у Отца; Онъ весь Слово Своего Отца, — проповѣдуетъ о Немъ не только обыкновеннымъ словомъ, т. е. Своимъ ученіемъ, но и всею своею жизнію и всѣми событіями своей жизни. Богъ искони былъ извѣстенъ всѣмъ народамъ, особенно избранному Его народу, — сынамъ любимыхъ Имъ патриарховъ: Авраама, Исаака и Іакова; но Господь І. Христосъ повѣдалъ намъ самое существо Божіе и раскрылъ, можно сказать, самое сердце Отца Небеснаго. Досель люди воображали себѣ Бога въ видахъ болѣе или менѣе челоукообразныхъ, живущимъ на небесахъ, сѣдящимъ тамъ на небесномъ престолѣ и носимомъ на облакахъ высшими ангелами, а Господь І. Христосъ повѣдалъ намъ, что Онъ есть Духъ безконечный, вездѣ сый и вся собою исполняющій; если Онъ называетъ Его Отцомъ небеснымъ, живущимъ на небесахъ и оттолѣ обтекающимъ вселенную, то потому только, что небожители всѣ суть святые Ангелы, во всемъ исполняющіе Его святую волю и потому ближайшіе

органы къ проявленію Его славы, подобно тому какъ наша душа не въ одной головѣ человека, а во всемъ тѣлѣ, но представляется живущею въ головѣ, потому только, что тамъ ближе ей органъ для отправленія всей ея дѣятельности; — что престолъ Его не подобенъ престоламъ нашихъ царей, а нерукотворенный — Ангелы, Архангелы и даже святые Божіи на которыхъ покоится, такъ сказать, душа Его. Доселѣ представляли Его въ видѣ грознаго Судіи и строго праведнаго; изъ ученія и жизни Христовой видимъ, что въ Немъ чуднымъ образомъ сочетается: безпредѣльное правосудіе съ безпредѣльною кротостью; тобою, что обнаружилось въ искупленіи рода человеческого, смертію Единороднаго Сына Его. По слову апостола. Онъ весь есть любовь и страшенъ только для нераскаянныхъ Грѣшниковъ. Доселѣ пророки повторяли народу Божію, что Богъ единъ; по ученію Господа Іисуса Христа, Онъ точно единъ по существу, но въ лицахъ троиченъ: Отецъ, Сынъ и Св. Духъ и что это единство трехъ Божественныхъ Лицъ тождественныхъ только по существу, а не по личности, поставленъ теперь въ образецъ для насъ, во взаимныхъ нашихъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, — въ жизни семейной, общественной, и гражданской и государственной и цѣлю нашего религіознаго союза съ Нимъ, *да вси будутъ*, говорить Господь въ Своей послѣдней молитвѣ, *едино, яко же и мы. Якоже Ты Отецъ во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и ти въ насъ, едино будутъ, да и миръ стнхъ иметъ, яко Ты Мя послалъ еси* (Іоан. 17:21—22). Прежде мы должны были представлять себѣ Бога только въ умѣ, въ отвѣченныхъ понятіяхъ и притомъ въ размѣрахъ чрезвычайныхъ, такъ какъ Его дѣйствія простираются на все безпредѣльное пространство міровъ; въ Лицѣ Господа Іисуса Христа мы познаемъ Его, такъ сказать, наглядно, въ размѣрахъ простой жизни человеческой. Кто жаждетъ ближе уразумѣть все свойства Божіи, тому слѣдуетъ только прослѣдить всю земную жизнь Бого-Человѣка Господа Іисуса Христа и онъ составитъ себѣ самое вѣрное понятіе о Бо-

гь, — о б ъ Е го сущест в ѣ, Е го Божественныхъ свойствахъ, Е го Божественной жизни и Е го къ намъ отношеніяхъ. Вотъ почему въ послѣдней своей молитвѣ къ Отцу Онъ и сказалъ: *Въ томъ жизнь вѣчная, чтобъ знали Тебя единого истиннаго Бога и посланника Твоего Иисуса Христа.*

Въ краткихъ словахъ смыслъ всего нами сказаннаго въ изъясненіе ихъ можно выразить такъ: жизнь вѣчная и Богъ, такъ какъ Онъ источникъ всякой жизни. Все, въ чемъ только есть жизнь, живетъ имъ. Слѣдовательно всякому, ищущему жизни вѣчной, нужно искать ея въ Немъ, а для этого конечно нужно и знать Е го. Но Онъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ и явилъ себя только въ Единородномъ своемъ Сынѣ, Господѣ І. Христѣ: никтоже знаетъ, сказалъ Онъ о себѣ Самъ, токмо Сынъ и ему же Сынъ открыть. Взявъ наши грѣхи на себя и, очистивъ естество наше отъ всякой скверны одинъ Онъ открылъ намъ свободный доступъ къ Отцу. Слѣдовательно, чтобы познать Отца, нужно познать сперва Е го Сына. Видѣвши Е го, все равно, что видѣлъ бы Отца. Аминь.

С Л О В О

ВЪ НЕДѢЛЮ СВ. ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

*Святѣмъ Духомъ всяка душа
живится и чистотою возвышается,
соотъчнется троическимъ единствомъ священнотайнъ (пѣснь церкви).*

А. Павелъ говоритъ: *единнмъ челоукомъ грѣхъ въ мнрѣ оиде и грѣхомъ смерть и тако смерть во вся челоуки оиде, въ немъ же вси согрѣшиша.* Если грѣхомъ смерть вошла въ мнръ, то прежде всего она должна обнаруживаться въ самой душѣ, какою мы согрѣшаемъ. Если въ первомъ челоуцкѣ, — въ этомъ единнмъ, мы все согрѣшили, то очевидно,

что, рождаюсь съ его грѣхонъ, всѣ мы съ грѣхонъ выносимъ отъ него и сѣмя смерти. Если жъ при рожденіи мы съ живіио выносимъ и сѣмя смерти, то очевидно, что сами не можемъ избавить себя отъ смерти. Для этого нужно вновь переродиться и конечно не отъ подобныхъ намъ людей, какого бъ роду рожденіе мы ни разумѣли; а свыше. Господь нашъ І. Христосъ рѣшительно сказалъ, въ бесѣдѣ съ Никодимомъ: *кто не родится свыше, т. е. отъ Духа Святаго, не узритъ царствія Божія*, — того блаженства, въ какомъ живутъ теперь на небесахъ Ангелы Божіи. Мы возрождены уже во Христѣ для этой блаженной жизни въ таинствѣ Крещенія, но не всѣ съ своей стороны заботимся о сохраненіи въ себѣ этой жизни, объ ея поддержаніи и возрастаніи; въ большей части изъ насъ жизнь ветхаго челоѣка возникаетъ снова, изъ стараго корня, и или замедляетъ или и вовсе задерживаетъ раскрытіе въ насъ новой благодатной жизни, такъ что ростъ ея можетъ истощиться, завянуть и отпасть.

Чтобъ удержать насъ отъ такой безпечности и дать побужденіе быть внимательнѣе ко всѣмъ внушеніямъ живущаго въ насъ Св. Духа, св. церковь между прочими святыми пѣснями часто повторяетъ предъ нами эту пѣнь: *Духомъ Святымъ всяка душа живится и чистотою возвышается, свѣтлится Тройческимъ единствомъ священнотайны*. Она повторяетъ ее предъ открытіемъ всѣхъ нашихъ празднествъ на всеобщихъ бѣдніяхъ и конечно съ тѣмъ, чтобъ мы, въ другіе дни развлекаясь среди житейскихъ занятій, въ каждый праздничный день отъ нихъ освобождаясь, побуждались болѣе и болѣе одушевляться тѣмъ Духомъ, которымъ всѣ возрождены для царствія Божія.

Остановимъ же свое вниманіе на этой церковной пѣсни и по возможности постараемся объяснить себѣ, какимъ образомъ Святымъ Духомъ *всяка душа живится, чистотою возвышается Тройческимъ единствомъ священнотайны*. Святымъ Духомъ *всяка душа живится*. Почему живленіе нашей души приписывается именно Св. Духу? Хотя всѣ

божественныя лица Пресвятой Троицы участвуют въ дѣлѣ творенія, образованія всего міра и во всѣхъ промыслительныхъ дѣйствіяхъ, отъ которыхъ зависитъ вся міровая жизнь; но Богу Отцу, — по нашему христіанскому ученію, — приписывается по преимуществу твореніе вещества, изъ котораго впоследствии образовался весь этотъ прекрасный міръ; самое образованіе міра, по Его плану, — Богу Сыну; заселеніе его всякими родами и видами жизни, иначе какъ бы завершеніе всего дѣла творенія — Богу Духу Святому. Отецъ изъ ничего творитъ міръ, Сынъ, какъ Его Слово, образуеъ міръ, а Духъ Святой, по-сившійся надъ бездною первоначальнаго міроваго вещества, въ тоже время, какъ бы засѣняетъ его жизненными силами и, по сотвореніи человека, овдыхаетъ и вселѣется въ него, какъ въ существо, созданное по образу Божию, чтобы по совершеніи дѣла творенія дѣйствовать на всю земную природу уже не непосредственно, какъ было въ началѣ творенія, а чрезъ посредство человеческой, потому что, когда Духъ Божій уже не можетъ жить среди развратнаго и предъ потопомъ, рода человеческого, — когда Богъ сказалъ: *не можетъ Духъ мой пребывать въ человецѣхъ сихъ, занеже супъ плоть*, потому что они соебъю оплотнѣли, и водою небесныя покрыли землю, и все на ней живое погибло, и только семейства благочестиваго Ноя. Тотъ же порядокъ и въ восстановленіи падшаго рода человеческого; всѣ они участвуютъ въ этомъ дѣлѣ; но Св. — Духу принадлежитъ это дѣло преимущественно, потому что слово Божіе Богу Отцу усвоетъ предначертаніе сего великаго дѣла и посланіе (для исполненія его) Сына, въ качествѣ Мессіи, или Христа, — Сыну самое искупленіе естества нашего отъ смерти, а приложеніе всего, что совершилъ Сынъ Божій Ис. Христосъ въ собственномъ своемъ лицѣ, для возрожденія всего, вчеловѣчествѣ, къ лицу каждаго человека, — третьему лицу Св. Троицы, — Св. Духу, безъ котораго невозможно намъ общеніе ни съ Отцемъ, ни съ Его Сыномъ. *Кто не признаетъ Сына, говоритъ Апост. Іоаннъ, тотъ не признаетъ и Отца* (Іоанн. 11.

23) *Никто*, сказалъ однажды Господь Ис. Христосъ, *не приходитъ къ Отцу, токмо Мнози*. А кто не можетъ вѣровать и исповѣдаться въ лицѣ Господа Иисуса Христа истиннаго Сына Божія? *Никто*, говоритъ въ одномъ изъ своихъ посланій св. Апостолъ Павелъ, *не можетъ наречи Иисуса Господомъ*, т. е. вѣровать въ Него, какъ въ истиннаго Сына Божія, *тою Духомъ Святымъ* (Кор. XII, 3). Чтобы намъ сколько нибудь для себя объяснить, почему для нашего возрожденія въ жизнь Христову требуется именно особенное участіе Св. Духа, можно употребить такое сравненіе: Богъ Отецъ есть какъ бы солнце для духовнаго міра, Сынъ — свѣтъ, да все разливающей жизнь, а Духъ Св. — это какъ бы воздухъ, — которому въ одномъ случаѣ самъ Господь Ис. Христосъ Его уподобляетъ, все собою облекающей и все проникающей. Какъ воздухъ болѣе или менѣе гущая и сосредоточивая вокругъ земныхъ предметовъ лучи солнца, даетъ каждому изъ нихъ болѣе способности и удобства къ воспріятію его свѣта и теплоты отъ солнца; чрезъ это все животворить она землѣ, — даетъ всякому растенію и ростъ, и цвѣтъ, а сверхъ того еще вкусъ и запахъ такъ Духъ Св., который, по выраженію Премудраго, *проходитъ сквозь вся души*, дѣлаетъ каждого изъ насъ болѣе или менѣе способнымъ къ воспріятію свѣта и теплоты отъ нашего духовнаго солнца — Бога Отца, просвѣщаетъ насъ, согрѣваетъ и животворитъ, — сообщаетъ болѣе сосредоточенности нашимъ мыслямъ относительно тайнъ вѣры, а следовательно и болѣе твердости самой вѣры, болѣе живости чувствамъ сердца; по воспріятію благодати, — болѣе рѣшимости и крѣпости нашей воли во всемъ дѣйствовать по духу нашей святѣйшей вѣры. Доказательствомъ тому служатъ самые Апостолы. Три года слушая ученіе своего Господа, какъ мало они разумѣли самое существенное въ его ученіи о царствіи Божіемъ; три года бывши свидѣтелями всѣхъ чудесъ Его, какъ были въ вѣрѣ слабы, какъ малодушны и страшливы въ виду даже только воображаемыхъ опасностей! Какъ часто уступали немощамъ плоти. А по сошествіи на нихъ

Св. Духа не только сами ожили, но и оживили весь почти тогда известный міръ. Желая показать, какую полноту жизни сообщает Духъ Св. вѣрующему, Господь сравниваетъ Его съ водою живою, *отъ которой пьющій не жаждетъ во вѣки*.

При духовномъ возрожденіи въ новую т. е. благодатную жизнь Христову, — отрѣщаясь отъ всякой грѣховной скверны, душа вѣрующаго, при содѣйствіи Святаго Духа, по выраженію пѣсни, *чистою возвышается*, такъ какъ, усыновляясь Богу во Христѣ, истинномъ Его Сынѣ, съ новою жизнію она т. е. душа вѣрующаго получаетъ и новыя *Божественныя силы*, *яже къ животу и благодетію*, — силы, то есть, потребныя для продолженія ея и большаго въ ней преуспѣнія. Пользуясь этими Божественными силами, христіанинъ, при содѣйствіи Св. Духа, не только сохраняетъ въ себѣ сокровище жизни, чистоту ея и святость, но время отъ времени постепенно восходитъ съ одной ступени духовной чистоты на другую, высшую. Ибо какъ плотская, естественная жизнь возрастаетъ постепенно, переходя изъ одного возраста въ другой, такъ бываетъ и съ возрожденными отъ Св. Духа. Апостоль Іоаннъ и въ духовной жизни отличаетъ вѣрующихъ, по ихъ духовнымъ возрастамъ, называя однихъ *младенцами* во Христѣ, другихъ *отроками*, *юношами*, а иныхъ *мужами* и *отцами*, которые могутъ быть руководителями и другихъ. Переходя изъ одного возраста въ другой, возрожденный болѣе и болѣе отрѣшается отъ міра, который, по Апостольскому слову, *весь во зль лежитъ*, все больше и больше очищается отъ его скверны, а болѣе и болѣе приближается къ источнику жизни, Богу, усволяя себѣ Его Божественныя совершенства по заповѣди своего Спасителя: *будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*. На каждой новой ступени усматривая въ себѣ болѣе недостатковъ, чѣмъ сколько прежде могъ замѣчать ихъ съ низшей, тѣмъ возбуждаетъ себя къ большей чистотѣ и къ большому совершенству, ближе и полнѣе ощущая въ себѣ благоуханіе присутствія Божія, болѣе и болѣе разга-

рается сердцемъ, а чрезъ то меньше и меньше чувствуетъ трудовъ, какихъ требуетъ отъ насъ, для стяжанія высшей чистоты жизни, и которые въ началѣ, — на первыхъ ступеняхъ, — казалось, подавляли насъ, меньше тягости, а больше легкости и свободы, такъ что требуемое отъ насъ заповѣдями Господа кажется тогда требованіемъ уже собственной нашей воли, — потребностію даже самой природы.

А чѣмъ болѣе вѣрующій такимъ образомъ въ чистотѣ жизни возвышается, тѣмъ болѣе и болѣе душа его, по выраженію церковной пѣсни, *сотмѣняется* т. е. просвѣщается и *трьинскимъ единствомъ* т. е. свѣтомъ всей свитой Троицы: ибо, по мѣрѣ отложенія всякой скверны, время отъ времени дѣлается такою же чистою, какъ чистъ свѣтъ, какъ бы прозрачною; болѣе и полнѣе *пріобщается Божественнаго естества* и устрояется въ живой храмъ всей пресвятой Троицы: *Всякій уверовавши въ Господа І. Христа, какъ возроденный отъ Св. Духа*, по выраженію ап. Павла, есть *храмъ Святаго Духа*, а когда, при содѣйствіи сего Духа, вѣрующій старается преуславлять въ любви къ Богу и въ исполненіи Его заповѣдей, онъ становится уже храмомъ и всей святой Троицы: *Кто любитъ Меня*, говоритъ Господь І. Христосъ въ послѣдней бесѣдѣ ученикамъ своимъ, и *заповѣди Мои соблюдаютъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его*, такъ какъ все заповѣдано Христомъ — заповѣди Отца Его, — *и Мы тѣ есмы Онъ и Отецъ Его придемъ къ нему и обителъ въ немъ сотворимъ* (Іоан. XIV. 23). Обитель — въ немъ сотворимъ. Для чего же? Очевидно для того, чтобъ пребывать въ такомъ человѣкѣ, какъ въ своемъ домѣ; — т. е. постоянно въ немъ пребывать; сдѣлавшись храмомъ Св. Духа, мы обращаемся тогда и въ храмъ всей Пресвятой Троицы, Отца, Сына и Св. Духа. А когда человѣкъ дѣлается храмомъ, или обителю Св. Троицы, такъ вѣдь это не можетъ не просіявать или не отражаться не только въ душѣ его, въ чувствіи умиротворенія въ его совѣсти, въ сознаниіи въ себѣ правды Божіей и духовной и невозмутимой

ниѣмъ духъ радости, но и въ самой плоти, такъ какъ по Апостолу, и *тѣла христіанъ суть арамы Духа Св.*: *ме-вѣ-сте-ли*, говоритъ, *яко тѣла ваша—арамъ Духа Св.* Пока душа еще въ тѣлѣ, всякому видно, что оно не пустой домъ, а что въ немъ живетъ человекъ и какого свойства человекъ этотъ. Такъ и когда весь человекъ становится храмомъ или домомъ Св. Троицы, то не только онъ самъ долженъ ощущать въ себѣ присущаго ему Господа, но часто это просіаваетъ сквозь самую плоть его и другимъ. Прочитайте книгу житій святыхъ Бож. человекъ и вы увидите, что въ нихъ въ большей или меньшей мѣрѣ, какъ бы бывало нѣкое отраженіе и всевѣднiя Божія, когда они, непостижимымъ для насъ образомъ, могли проникать въ сокровенныя тайны нашего сердца или прозрѣвать въ далекія будущія событія и могущества, или вседѣтельной силы Божіей, когда могли врачевать на примѣръ неизлечимыя болѣзни у прибѣгающихъ къ нимъ съ вѣрою и т. п. Духъ Св. также подготавливаетъ наши души ко вселенію въ насъ Св. Троицы, какъ уготовалъ утробу Пресв. Богородицы для воплощенія въ ней Сына Божія и какъ ранѣе того, при сотвореніи міра, безвидное, безкачественное вещество уготовалъ въ чудесный храмъ Божій, въ которомъ, для здраваго ума и чистаго сердца, во всемъ и всюду, такъ сказать сквозитъ вся слава Троицаго Бога, — *Его присносушная сила и Божество* (Рим. I. 20).

Святимъ Духомъ всяка душа живется и чистотою возвышается, свѣтлится троексимъ единствомъ какъ *Священнотайна*. То есть таинственно, или чрезъ таинства Свят. церкви. Въ самомъ дѣлѣ *живится* она въ таинствѣ крещенія и миропомазанія: въ первомъ возраждается чрезъ омытіе отъ грѣховъ, какъ отъ прирочденнаго намъ, такъ и отъ прочихъ совершенныхъ самими нами до крещенія. Въ ней какъ бы отсѣкается отъ насъ прежняя жизнь грѣховная поврежденная въ нашемъ первомъ родоначальникѣ Адамѣ и прививается къ намъ жизнь Христова, а во второмъ, для укрѣпленія въ себѣ этой

святой и вѣчной жизни, приѣмлетъ дары Св. Духа въ помощь нашему духу. Чистотою возвышается чрезъ посредство таинства покаянія, которое въ случаѣ потери первой истины, дарованной намъ въ крещеніи, замѣняетъ собою крещеніе, если возрожденный каждый разъ, какъ ни ощутилъ въ себѣ присутствіе того, или другаго грѣха, по возрожденіи, тотъ часъ прибѣгаетъ къ этому таинству, ибо въ такомъ случаѣ совѣсть его время отъ времени становится внимательнѣе ко всему, что грѣховнаго возникаетъ въ душѣ его и изощряетъ время отъ времени такъ, что, указывая ему присутствіе грѣха тамъ, гдѣ прежде онъ и не подозривалъ его, чрезъ это заставляеть его болѣе и болѣе хранить себя и отъ малѣйшаго грѣха и достигать все высшей и высшей степени духовной чистоты. *Сотлѣтается Троицескимъ единствомъ* въ таинствѣ Святыишей евхаристіи, гдѣ подъ видомъ хлѣба и вина, освященныхъ и предлагаемыхъ Св. Духомъ въ истинное тѣло и кровь Христову, она также таинственно приобщается плоти и крови своего Господа — искупителя, какъ Онъ, подъ нагтіемъ того же Духа, приобщался некогда нашей плоти и крови въ своемъ Божественномъ воплощеніи, а въ Немъ — и самаго Божественнаго естества въ такомъ, конечно случаѣ, если каждый разъ приобщается ихъ достойно, какъ самаго Христа. Какъ обыкновенная пища и питіе, входя въ насъ, съ собой вносятъ въ нашу плоть и свойства своего естества, такъ, съ приобщеніемъ тѣла и крови Христовой, вѣрующей усвоеть себѣ и все, еже во Христѣ Господѣ, такъ что отъ этого въ немъ постепенно, время отъ времени болѣе и болѣе начинаеть просіявать свѣтлый образъ самаго Христа, а съ тѣмъ вмѣстѣ — и всей Св. Троицы. Будемъ же внимательнѣе ко всѣмъ внушеніямъ Св. Духа и какъ скоро не замѣчаемъ въ себѣ Его плодоть, чаще станемъ отверзатъ двери и окна души своей и искать, пока Онъ снова на насъ не повѣсть и не исполнить храминны души нашей, такъ же, какъ мы это дѣлаемъ, желая освѣжить и очистить воздухъ, какимъ дышемъ внутри нашихъ жилищъ, чтобы иначе не заразиться на смерть отъ собст. дыханія.

Средствами къ привлеченію Св. Духа могутъ быть чисто сердечное, искреннее покаяніе и исповданіе грѣховъ своихъ; ибо если грѣховная нечистота удалеться отъ насъ благодать Святаго Духа, то покаяніе во грѣхахъ естественно должно привлекать Его; а для этого требуется очевидно избѣгать издѣлихъ мірскихъ развлеченій и чаще собираться внутрь себя и углубляться не въ то, что происходитъ внѣ, или около насъ, а что производитъ внутри собственной нашей души и въ нашемъ сердцѣ, чаще упражняться въ чтеніи или слушаніи слова Божія, что и само по себѣ привлекаетъ къ намъ вѣяніе св. Духа, такъ какъ слово Божіе есть плодъ Св. Духа, которымъ говорили и писали Святые Божіе челоуѣки, но упражняться конечно съ благоговѣннымъ вниманіемъ и размышленіемъ и съ желаніемъ по немъ творить волю Божію, при этомъ предаваться и молитвеннымъ упражненіямъ, особенно же въ Божіихъ храмахъ, памятуя, что во время общей пменно молитвы вѣрующихъ съ Апостолами и низошла на нихъ благодать Св. Духа, и наконецъ, въ радости или скорби, пѣть Духомъ Божіимъ вдохновенныя священныя пѣсни, что для той же цѣли и свят. Апостоль Павель въ одномъ мѣстѣ своихъ посланій между прочимъ совѣтуетъ Ефесскимъ христіанамъ: *Исполняйте*, писалъ онъ имъ, *духомъ*, и объясняя, какъ этого достигать, прибавляетъ: *назидаая себя псалмами, пѣснями и тѣмъ духовнымъ, поя и воспѣвая озъ сердца азъ своа азъ Господу. (V, 19).*

Этими то и подобными средствами, и будемъ мы пользоваться, пока еще есть время; пока въ насъ еще есть какіе нибудь остатки духовной жизни, какое нибудь соуслаженіе закону Господню, какое нибудь сочувствіе къ Божественному ученію, какое нибудь чувство своей грѣховности и разположеніе къ покаянію: ибо когда Духъ Святой совсѣмъ уже отступаетъ отъ челоуѣка, тогда искать его поздно: когда онъ отступилъ отъ Саула, перваго царя Израильскаго, на него напалъ скандално, духъ лукавый и сколько онъ ни вопрошалъ послѣ сего

Господа, предъ последнею бранью съ Филистимлянами, не слышать на это никакого хуже ответа. Почему? Господь Иисус Христосъ, предъ изцѣленіемъ страдавшихъ отъ какихъ нибудь тѣлесныхъ болѣзней или наводненія злыхъ и духовъ, имѣвшій обычай изцѣлять ихъ отъ грѣховъ, въ которыхъ лежали первоначальныя причины всѣхъ нашихъ страданій, по изцѣленіи отпуская ихъ, говорилъ каждому изъ нихъ: *иди же и впродѣ не грѣши, чтобъ послѣ не случилось съ тебѣ худшаго.* Аминь.

С Л О В О ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНИКА СВЯТОЙ ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ.

Аще любите Мя, соблюдайте заповѣди Мои и азъ умолю Отца Моего и иного Утѣшителя дасть вамъ, да будете съ вами въ откъ, — Духъ истины, Его же миръ не можетъ прияти яко не видитъ, ниже знаетъ Его (Іоан. XIV. 16. 17).

Въ послѣдней прощальной своей бесѣдѣ съ учениками своими на пути въ Геесимацію, Господь Иисусъ Христосъ, приготовляя ихъ къ разлукѣ съ собой, особенно внушалъ имъ единодушіе, согласіе и любовь другъ къ другу, а въ заключеніи прибавилъ: если вы любите меня, соблюдайте мои заповѣди и Я умолю Отца Моего и Онъ пошлетъ вамъ Духа Утѣшителя, который пребывалъ бы съ вами (постоянно на всю жизнь), — Духа истины, котораго миръ не можетъ прияти, такъ какъ не видитъ и не знаетъ Его. Самые благодетельные изъ народа Божія, хотя еще отъ начала міра о Немъ слышали, но какъ Его разумѣли? Большею частію только, какъ силу Божию, воодушевляющую древнихъ избранниковъ Божіихъ. Но вотъ Господь Иисусъ Христосъ доводитъ о Немъ

как о существѣ Ему равномъ т. е. не какъ о силѣ Божіей, а какъ о лицѣ Божественномъ. Умолю Отца и дастъ намъ много утѣшителя, т. е. такого-жъ, какимъ доселѣ для нихъ былъ Онъ Самъ. Въ такомъ значеніи и приняли Его Апостолы, такъ какъ проповѣдывали о Немъ всегда, какъ о третьемъ Божественномъ лицѣ. Итакъ, по ученію Господа Иисуса Христа и Его Апостоловъ, Богъ будучи единымъ, существуетъ въ трехъ Божественныхъ лицахъ, какъ Отецъ, Сынъ и Св. Духъ.

Такъ какъ всѣ мы, вступая въ новую жизнь во Христѣ, пріяли крещеніе, живя имя этихъ трехъ Божественныхъ лицъ, то каждому изъ насъ необходимо сколько нибудь приблизиться къ своему уразумѣнію эту величайшую тайну Божественной Троицы, чтобъ не поколебаться какъ нибудь въ мысляхъ, а твердо держаться своей вѣры, какъ за спасительный якорь.

Всего непонятнѣе въ нашемъ вѣрученіи о Богѣ то, что Онъ, существуя въ трехъ Божественныхъ лицахъ, естъ Богъ единый, а будучи единый, существуетъ въ трехъ Божественныхъ лицахъ. Но сказать: «единый и троичный, не противорѣчіе ли? Конечно было бы противорѣчіе, если бы Онъ былъ единый и троичный въ одномъ и томъ-же отношеніи. Но по его ученію Богъ единый только по существу, а троичный въ лицахъ, во внутреннемъ предвѣчномъ откровеніи своего Божественнаго существа. Въ трехъ лицахъ Божество какъ-бы раздѣляется, а единствомъ своего существа всѣ эти лица объединяются, такъ что мы должны исповѣдывать въ немъ едино Божество, или единого Бога, въ трехъ лицахъ существующаго. При этомъ замѣтимъ, что, когда мы говоримъ о трехъ лицахъ единого Бога, то подъ словомъ: *лица*, разумѣемъ мы не наружный видъ, котораго Богъ не имѣетъ, какъ существа безконечное, а слѣдовательно и чуждое всякой формы, а существо обладающее собственнымъ разумомъ и собственной волею, — всякое разумное существо, свободно по своей волѣ собою располагающее, каковыя, кромѣ Бога, всѣ духовныя существа и мы, по душѣ своей. Что не имѣетъ разума и свободной воли, то мы

называемъ не лицомъ, а вещію. Такъ какъ въ Божественной Троицѣ, не одинъ только Богъ Отецъ имѣетъ разумъ и волю и жизнь въ себѣ самостоятельную, но и Сынъ Его и Св. Духъ имѣютъ все это въ себѣ и въ такой же степени совершенства, въ какой онѣ въ Отцѣ, то каждый изъ нихъ и есть особе лице, хотя существуютъ они и нераздѣльно, какъ единъ Богъ.

Отъ чего жъ, иной можетъ подумать, мы, при единствѣ нашего существа, не едино между собою? Отъ того, что образъ бытія Божія, ничего не имѣетъ между собою сходнаго съ образомъ бытія твореній. Изъ насъ каждый, по душѣ и по тѣлу живетъ особо отъ другаго, — въ предѣлахъ известнаго пространства, каждый появляется на свѣтъ не во всемъ совершенствѣ человека, переходитъ изъ возраста въ возрастъ, развивается постепенно, какъ по тѣлу, такъ и по душѣ и не одинаково со всѣми обнаруживаетъ типы своей человеческой природы. Но къ Богу не приложимы ни наше пространство, какими мы другъ отъ друга отдѣляемся, ни наше время, въ которомъ у насъ мало, но малу, — постепенно развивается наша человеческая природа, въ одномъ больше, въ другомъ меньше. Онѣ объемлетъ собою все, но Самъ ни чѣмъ не объемлется, потому три Божественныя лица и пребываютъ между собою не отдѣльно, а одно въ другомъ и, хотя Сынъ рожденъ отъ Отца, а Духъ Св. исходитъ отъ Отца, но роженіе одного и исхоженіе другаго выражаютъ не начало ихъ во времени, а образъ внутренняго предвѣчнаго откровенія перваго лица, совершенно отличающее ихъ отъ міра, — міръ получилъ свое начало отъ Бога не отъ вѣчности, а во времени, произшель не по необходимости существа Божія, а по свободной волѣ своего творца и есть наконецъ откровеніе не самаго существа Божественнаго, а только совершенствъ Божіихъ; два же Божественныя лица имѣютъ начало отъ Бога Отца не во времени, а отъ вѣчности и существуютъ съ тѣхъ же поръ, какъ и Отецъ; имѣютъ бытіе не случайное, а необходимое, ибо суть откровенія не свойствъ или совершенствъ Бога, а самаго Его Божественнаго существа.

Хотя въ Св. Писаніи Новаго Завета ни гдѣ не сказано прямо, что Богъ единъ только по существу, а въ лицахъ тройственъ, — существуетъ въ трехъ лицахъ, — но такъ положено вървать на первомъ вселенскомъ соборѣ непроизвольно отцами церкви, а на основаніи словъ самаго Господа Иисуса Христа и Его св. Апостоловъ, изъ коихъ ясно видно, что Иисусъ Христосъ есть дѣйствительно самъ Сынъ Божій, родившійся человѣкомъ, или воплотившійся только нашего ради спасенія, совѣчный Богу Отцу и Ему равночестный. Когда Иудей однажды стали винить Его въ томъ, что Онъ называетъ себя Сыномъ Божіимъ и тѣмъ творить себя равнымъ Самому Богу, на такое ихъ обвиненіе, онъ не далъ имъ такого объясненія, какъ бы это было имъ сказано не въ собственномъ смыслѣ, а въ подтвержденіе своихъ словъ, что онъ дѣйствительно Сынъ Божій, отвѣчалъ: „аще не вѣруете Мнѣ (тому, т. е. что Онъ въ собственномъ смыслѣ Сынъ Божій дѣйствительно равный Ему) вѣруйте дѣломъ Моимъ, а въ послѣдней молитвѣ къ Отцу, предъ своею искупительною смертію, — сказавъ, что Онъ совершилъ свое дѣло, прославилъ Его на землѣ, — молилъ, *чтобъ* теперь Онъ уже Его *прославилъ у себя* и какою жъ славю? *Юже Азъ имѣхъ у Тебя до созданія міра.* Не значить ли это что Онъ есть не твореніе Отца, а едиnorodный Сынъ Его, не такое лице, какъ мы, ангелы, Архангелы и еще высшія существа міра, а лице выходящее изъ ряду всего, что есть въ мірѣ, — лице премірное. Какъ Отецъ мой имѣетъ жизнь въ себѣ, т. е. самостоятельность, не зависимую не отъ чего, такъ и Сыну далъ имѣть жизнь въ себѣ, какъ Отецъ воскрешаетъ мертвыхъ и оживляетъ, такъ и Сынъ воскрешаетъ кого захочетъ. Отецъ Мой не судитъ никого, но весь судъ предалъ Сыну Своему. Какой же судъ? не надъ известнымъ числомъ людей а надъ всѣмъ человечествомъ, даже и надъ всѣмъ темнымъ царствомъ діавола.

Апостолъ Павелъ въ одномъ изъ своихъ посланій таинство воплощенія Сына Божія называетъ тайною *Бога*, явивша-

гося во плоти: велия, говорить, тайна, яко Богъ явися во плоти. А апостоль Иоаннъ въ началъ своего Евангелія называетъ Его предвѣчнымъ словомъ, которымъ Богъ сотворилъ весь миръ и самое это слово называетъ Богомъ. Въ началъ говорить, было слово и слово это было у Бога и Богъ былъ слово. Потомъ объясняя, о какомъ Онъ словѣ это говорить, называетъ Его едиnorodнымъ отъ Отца, а потомъ и прямо Иисусомъ Христомъ (Иоан. I). Такими же именами изображаетъ Его въ одномъ и изъ своихъ посланій. Мы знаемъ, пишетъ онъ въ заключеніе 1-го своего посланія, что Сынъ Божій пришелъ и далъ намъ разумъ, да познаемъ Бога истиннаго и да будемъ въ истинномъ Сынѣ Его Иисусѣ Христѣ. Сей есть истинный Богъ и жизнь вѣчная (I Иоан. V. 26). Такое же свидѣтельство — въ посланіяхъ Апостоловъ и о Божественной личности Духа Святаго. Такъ напримѣръ, Апостоль Павелъ, въ первомъ посланіи къ Коринѳянамъ, говоря о дарахъ Св. Духа, ии обь различныхъ Его проявленіяхъ въ разныхъ явленяхъ церкви, называетъ Его то *Господомъ*, то прямо *Богомъ*. Дары, говорить, различны, но Духъ одинъ и тотъ же и служенія различны, но Господь одинъ и тотъ же и самыя дѣйствія въ разныхъ служеніяхъ различны, но Богъ одинъ и тотъ же (XII. 4—13). Въ книгѣ Апостольскихъ дѣяній (дѣян. X. гл.) въ двухъ мѣстахъ обь Немъ говорится и при томъ непосредственно отъ Его лица, именно, какъ обь особой Божественной личности. Такъ въ повѣствованіи о бывшемъ Апостолу Петру видѣніи предъ самымъ приходомъ къ нему посланныхъ отъ Римскаго сотника, Корнилія — язычника, съ приглашеніемъ его въ домъ Корнилія, когда этотъ Апостоль сядися только за трапезу, чтобъ подкрѣпить себя пищею, ему представилось, что сверху спускается на его трапезу скатерть съ животными, которыхъ евреи считали нечистыми, съ словами: *закоми и ѣшь*, Апостоль отвѣчалъ было: *никакъ Господи; я никогда не ѣлъ ничего нечистаго*, на это послѣдовалъ ему голосъ: *что Богъ признаетъ чистымъ, того ты не считай сквернымъ*, но скатерть однакожь

поднялась от него и скрылась. Когда за симъ послышался ему стукъ въ ворота посланныхъ къ нему отъ Корнилія язычниковъ, а Апостолъ все недоумывалъ о странности видѣнія, *духъ сказалъ ему*, говорится въ кн. дѣяній, вотъ три человека ищутъ тебя, выйди къ нимъ ни мало не сомнѣваясь, ибо это *Я ихъ послалъ*. Этимъ для Апостола разъяснилось его видѣніе, а для насъ Божественная личность Духа Св., посланнаго къ нему этихъ трехъ язычниковъ, какъ народа нечистаго. Въ другой разъ, когда Апостолы собрались для какихъ то совѣщаній по дѣламъ церкви, подобное-жъ выраженіе употреблено о Св. Духѣ. *Духъ Св. сказалъ, отдѣлите мнѣ Варнаву и Савла на дѣло*, на какое *я ихъ призвалъ, я послалъ, и назначилъ*. Такъ можетъ сказать о себѣ только личное существо. Почему Господь Иисусъ Христосъ за день предъ своими страданіями, общая, по отшествіи къ Отцу Своему низ послать Его на своихъ Апостоловъ, назвалъ Его *другимъ посылъ себя утѣшителемъ*, т. е. такимъ же, каковыя для нихъ былъ и самъ; сопоставляя Его съ собою, какъ лице Ему равное, такое-жъ личное, каковыя былъ самъ. Соблюдайте Мои заповѣди и Я умолю Отца Моего и Онъ дастъ вамъ *другаго утѣшителя* съ тѣмъ, чтобъ Онъ оставался съ вами во вѣкъ — *Духа истины*, котораго міръ не можетъ принять, который дастъ вамъ новое обо Мнѣ свидѣтельство (Іоан. XIV. 15 и 16); Если же Сынъ Божій и Духъ Св. — не силы Божіи и не сотворенныя существа, а Божественныя лица, равныя Отцу небесному и потому каждое изъ нихъ есть Богъ, а между тѣмъ Господь Иисусъ Христосъ въ послѣдней своей молитвѣ, объявляя, въ чемъ жизнь вѣчная, сказалъ, вотъ въ чемъ жизнь вѣчная, о которой Онъ проповѣдывалъ всю свою жизнь, *да знаютъ Тебя единого истиннаго* Бога, и добрую посланнаго Иисуса Христа, — если и Апостолъ Павелъ, повторяя тоже, внушаетъ вѣрующимъ признавать *единого истиннаго* Бога, напоминая имъ слова Моисея: слыши Израиль: *Господи, Богъ Твой есть единый Богъ*, а противорѣчія не можетъ

быть въ ученіи нашего Господа. Что жь остается заключить? Что въ какомъ отношеніи Богъ Единъ, а въ другомъ какомъ, нибудь троицень. Въ какомъ-же единъ? Очевидно по отношенію къ св. Троицѣ. Въ отношеніи къ своей личности. По существу Онъ единъ потому, что у всѣхъ трехъ Божественныхъ лицъ существо совершенно едино, а въ личности Троицень. Впрочемъ въ трехъ лицахъ онъ пребываетъ какъ единый. Отецъ есть лице само отъ себя самобытное, Сынъ и Св. Духъ отъ Него. Тотъ Сынъ Его, а другой Духъ Его и объ обихъ должно сказать, что Апостолъ Павелъ сказалъ о Сынѣ, — что онъ суть сіянія славы Его и образы Его Божественной ипостаси, такъ какъ все, что въ нихъ есть отъ Него. Онъ имъ далъ власть и жизнь міра имѣть въ себѣ. Кромѣ различія между ними, по образу происхожденія, нѣтъ-ли въ нихъ какихъ нибудь особенностей по отношенію къ разуму волѣ и сердцу? Объ этомъ въ Священныхъ нашихъ книгахъ не сказано ничего. Но судя по ихъ взаимнымъ отношеніямъ и ихъ дѣйствіямъ, въ какихъ они проявляютъ себя въ твореніи и образованіи міра на землѣ, особенно же въ исторіи церкви нельзя не замѣчать, что оно должно быть, безъ чего нельзя было бы понять почему, или для чего-жъ Богъ существуетъ не въ единствѣ Своего только лица, а въ троицности Божественныхъ лицъ и какой могъ быть совѣтъ предъ сотвореніемъ человѣка, если они по всему совершенно тождественны? Объяснять это, по неимѣнію на это данныхъ въ нашихъ священныхъ книгахъ, чрезвычайно трудно и безъ высшаго духовенства даже и не безопасно. а).

а) Нѣкоторые думали видѣть въ 1-мъ лицѣ образъ всякаго совершенства, которое онъсообщаетъ различнымъ тварямъ при участіи 2-го и третьяго лица. А изъ нихъ во 2-мъ преизбыточествуетъ разумъ, мудрость и разумная сила, осуществляющая всѣ помыслы 1-го лица; а въ 3-мъ сердечныя свойства, — любовь, которая излилась на насъ Духомъ Святымъ, любовь все объединяющая, все одушевляющая и всѣ наши помыслы и чувства возводящая къ началу всего — Богу Отцу. Черезъ что эти два лица поставляются въ такой-же противоположности въ какой состоитъ мужской полъ къ женскому, между которыми противоположность только видимая,

Чужія слова мы повѣряемъ часто собственнымъ опытомъ, когда это для насъ возможно. Почему не сдѣлать того-жь и относительно предметовъ христіанскаго вѣроученія? Будь часть отъ грѣха, слушай писаніе безъ всякихъ предубѣжденій и при томъ не ради любопытства и словопреній, а собственно ради спасенія души своей, съ молитвою, да отверзеть Господь очи сердца твоего и тайны вѣры незамѣтно пойдутъ выясняться въ твоёмъ умѣ сами собой. *Аще кто хочетъ творити волю Божию*, сказалъ однажды Господь невѣровавшимъ, что ученіе Его не Его, а отъ Бога, *тогда уразумеетъ о ученіи Моёмъ, — о Себѣ ли Азъ глаголю, или отъ Бога*. Если дастъ Богъ такому разумѣть отъ Бога ли ученіе, проповѣдуемое отъ Его имени или человѣческое изобрѣтеніе, то конечно дастъ разумѣть ему и то, какъ *разумѣть* каждое слово, чтобы увѣровать въ него и по Немъ творить волю Божию. Кому нужно удостовѣреніе въ примѣрахъ, тому довольно и одного, какой книга Апостольскихъ Дѣяній указываетъ, повѣствуя о проповѣди Апостола Петра въ домѣ одного изъ римскихъ сотниковъ, — Корнилія. Прося Бога, чтобы Онъ Самъ наставилъ его на путь истинны, онъ готовъ былъ дѣлать все, чѣмъ онъ могъ бы угодить Ему и, когда Петръ, по откровенію Божию, пришелъ въ его домъ, сталъ только проповѣдывать о Христвѣ и

тѣмъ болѣе что и мужъ и жена созданы по образу Божию. Не значить ли это что и въ самомъ Богѣ ихъ такъ сказать прототипъ есть что то подобное на такую же двойцу, раздѣляемую и въ чемъ то третьемъ соединяемую? По при этомъ нужно помнить, что двуполность не только въ человѣческомъ родѣ, но и во всѣхъ царствахъ органической жизни, зависитъ отъ различнаго устройства только органовъ, которые въ Божествѣ немислимы. Органами проявленія ихъ силъ и Божественной дѣятельности можетъ быть все, что только существуетъ на небѣ и на землѣ — вся Имъ созданная вселенная, какъ ихъ самихъ можно въ нѣкоторомъ смыслѣ назвать органами откровенія славы 1-го лица Божественной Троицы — Бога Отца. Въ нѣкоторомъ отношеніи Слово второе лицо св. Троицы можно сравнивать съ солнцемъ, освѣщающимъ вселенную и дающимъ всѣмъ видѣть въ истинѣ, а Духъ Св. съ воздухомъ, передающимъ намъ въ той, или другой мѣрѣ и свѣтъ и теплоту его, и безъ котораго мы не могли бы ни дышать и «ни что не могли бы слышать». Воздухъ стихія вселенная, и своею упругостію поддерживаетъ все тѣла небесныя. Безъ него они или сдвинулись бы въ одну массу, или разсыпались въ прахъ.

Его учени, оны сердцемъ ощутилъ, что это учение истинно отъ Бога и принявъ его съ такою вѣрою, что, не принявъ еще крещенія, ощутилъ въ себѣ, со всѣмъ своимъ домомъ, присутствие Духа Божія, и всѣ, сказано, на разныхъ языкахъ стали славить Бога, какъ некогда Апостолы, по сошествіи на нихъ Духа Св. въ день пятидесятницы, такъ что вѣровавше изъ Иудеевъ, пришедшихъ къ нему съ Апостоломъ Петромъ изумлялись, что Духъ Св. излился и на язычниковъ и при томъ до крещенія (Х. 2—46). Богъ вѣрно самъ отверзаетъ двери сердца внимать слово Божіе, какъ говорится объ одной благочестивой язычницѣ. — Лидія (Дѣян. XVI. 14—15), и понимать его. Если такъ Господь вразумляетъ и язычниковъ, желающихъ творить полюбное Ему, тѣмъ болѣе не оставитъ безъ нужнаго вразумленія вѣрующихъ и благоугождающихъ Ему, такъ какъ каждый изъ насъ есть храмъ Духа Св. въ которомъ сообщается каждому изъ насъ все необходимое для наставленія насъ на всякую истину. Живи по духу и будешь понимать все, что въ писаніи сказано отъ Духа и не только понимать, но и ощущать, проверяя опытомъ, такъ какъ въ вѣрующемъ и соблюдающемъ заповѣди Христовы, сказано, что *Богъ пребываетъ въ немъ, а онъ въ Богѣ*. Кто любитъ меня, говоритъ Отецъ Мой и Мы придемъ къ нему и обитель въ немъ Себѣ сотворимъ. Тоже онъ говорилъ и о Св. Духѣ. Соблюдайте заповѣди Моя и умолю Отца и Онъ дастъ вамъ иного утѣшителя, Который пребывалъ бы съ вами во вѣкъ, т. е. Духа истины, котораго мръ не можетъ понять и принять. Не становится ли отъ сего душа cadaго вмѣстительствомъ храминой всей Св. Троицы? Вотъ и опытное доказательство внутренняго свидѣтельства единства всей святой Троицы, для соблюдающаго заповѣди Христовы.

Люди, которые любятъ себя величать названіемъ людей науки, почивающіе на книгахъ повѣряютъ свои догадки какъ? Если догадкой ихъ объясняются какія нибудь явленія природы, то догадка эта принимается ими уже за несомнѣнную истину, какъ бы до того ни казалась странною. Напримеръ, когда при общемъ убѣжденіи, что земля стоитъ неподвижно, а солнце со всѣми планетами обращается во кругъ нея, одинъ астрономъ сталъ утверждать совсѣмъ этому противное, никто ему не вѣрилъ, но какъ только усмотрѣли, что только этимъ предположеніемъ и можно объяснить общее движеніе всѣхъ

планеты нашего солнца, а по прежнему убъденію нельзя объяснить всѣхъ явленій ни на землѣ, ни въ другихъ, сродныхъ ей планетахъ, то тутъ ужъ странное, въ повидимому, предположеніе этого астронома принято за неоспоримую истину. Этотъ способъ убъденія, въ несомнѣнности непонятныхъ намъ истинъ, выберемъ и мы, для убъденія въ истинѣ неостижимаго для насъ ученія о тайствѣ Святой Троицы. Оставимъ безъ вниманія языческое ученіе о многобожій, какъ недѣльное и очевидно не приличное тому высокому понятію, какое у каждого разумнаго нынѣ челоука рождается при величайшемъ имени Бога. Приложимъ древнее израильское ученіе о единомъ и новозавѣтное о триединомъ Богѣ къ объясненію существа Божія и Его отношеній къ міру. Какое изъ нихъ болѣе или лучше объясняетъ дѣло. Если Богъ единъ, безъ всякаго различія лицъ, то возникаетъ вопросъ: до сотворенія міра что-жъ могло быть предметомъ Его безконечно высочайшаго разума? Что могло быть предметомъ и Божественной Его любви? Въ чемъ проявлялась бы полнота Его бытія и силы? Чтобы отвѣчать на все это, мудрецы древнѣихъ языческихъ народовъ заключали, что до созданія міра кромѣ Бога нѣтъ вѣчности существовала матерія въ раздробленномъ видѣ въ родѣ самой мелкой, не подлежащей чувству пыли или въ какомъ-то пустомъ пространствѣ, не подумавъ, что пустое пространство — ничто, а если бы оно и было, то должно быть наполнено все, существомъ Божественнымъ. На эту матерію Богъ обратилъ свое вниманіе, составилъ себѣ планъ для ея образованія и наконецъ образовалъ изъ ней этотъ чудный міръ. Но какъ вопросъ этимъ еще не рѣшенъ, ибо спрашивается: что же Онъ дѣлалъ до сотворенія или до образованія міра, какъ существо вѣчное? То положили, что сотвореніе, или правдильнѣе, только образованіе міра совѣчно и самому Богу, чрезъ что поставили Его въ зависимость отъ міра, какъ необходимаго Его дополненія, безъ котораго какъ будто бы нельзя было быть въ немъ раскрытій даже Его собственной жизни. Иные дѣлали еще хуже — стали смотрѣть на происхожденіе міра не какъ на образованіе его изъ готовой совѣчной Богу матеріи, и не какъ на раскрытіе помысловъ Божіихъ, но изъ коихъ у Него уже составленъ планъ для образованія міра, а какъ на раскрытіе, или на развитіе въ немъ самаго Бога, следовательно низвели Его въ рядъ Его же твореній такъ какъ

бы безъ того Онъ не могъ имѣть даже и самосознанія и буд-
то бы весь міръ не есть и нѣтъ отдѣльное, или отличное отъ
Бога, а есть одно съ самимъ Богомъ, есть тотъ же Богъ, толь-
ко въ полномъ развитіи Его Божественнаго существа. Вотъ
какимъ мракомъ вдумали уяснить дѣло. Не таково христіанское
ученіе о триединомъ Богѣ; оно устраняетъ всѣ эти несообраз-
ности. Если для полноты бытія и проявленія Божественнаго
существа и всѣхъ Его Божественныхъ совершенствъ Ему необ-
ходимо постоянное и полное проявленіе себя, то что-жь мо-
жетъ быть лучше того проявленія отъ вѣчности, какое явилъ
Онъ рожденіемъ Сына и изведеніемъ изъ себя, — т. е. изъ са-
маго своего существа, Святаго Духа? Если для блаженства Его
жизни необходимо достойное Его общеніе, то какое общеніе
достойное того, — какое отъ вѣчности существуетъ между
тремя Божественными лицами, составляющими единую жизнь?
Такимъ образомъ по христіанскому ученію Богъ въ трехъ ли-
цахъ и самый образъ бытія Его является въ раздѣльныхъ чер-
тахъ, безъ всякаго смѣшенія съ міромъ. Итакъ, хотя ученіе
о триединомъ Богѣ для насъ и не постижимо, но какъ оно
совмѣстимо и только это одно совмѣстимо съ понятіемъ о
Богѣ, какъ существѣ совершеннѣйшемъ и самобытномъ и одно
вполнѣ объясняетъ Его отношеніе къ міру, какъ къ бытію
случайному, отъ Него зависящему, то и должно быть принято,
какъ несомнѣнная истина. Св. Троица — отцы — отцы — отцы
Заключимъ свои разсужденія еще однимъ замѣчаніемъ.
Всякій творецъ отпечатлѣваетъ себя въ своемъ произведеніи.
Не найдемъ ли мы отпечатка Св. Троицы и въ этомъ высо-
чайшемъ произведеніи нашего Творца, каковъ этотъ прекрас-
ный міръ? Какой напримѣръ составъ челоука? Мы отлича-
емъ въ немъ только душу и тѣло. Апостоль Павелъ нахо-
дитъ не двойцу а тройцу: Духъ, душу и тѣло. Въ самой душѣ
умъ, воля, сердце, въ духѣ — стремленіе къ истинному добро-
му и изящному; въ тѣлѣ три такъ называемыя системы — го-
ловную, грудную, брюшную. Въ природѣ три силы замѣти-
шія: магнитная, центростремительная, сила, что тоже, при-
тягательная, все притягивающая къ своему центру, другая —
электрическая — центробѣжная, или, что тоже, отталкивающая
и третія химическая — круговращательная. Планеты тяготеютъ
къ своему солнцу, солнце частію быстрымъ своимъ вращатель-
нымъ воікружитъ себя движеніемъ, а частію и постояннымъ не

прерывнымъ упоромъ своихъ лучей то въ ту, то въ другую сторону не допускаетъ ихъ къ себѣ, а какъ бы отталкиваетъ ихъ отъ себя и этимъ двойнымъ на нихъ дѣйствіемъ заставляетъ ихъ обращаться вѣчно во кругъ себя, чему можетъ быть способствуетъ ихъ круговращеніе около собственныхъ осей, а частію и чрезвычайная упругость облегающаго ихъ воздуха. Солнце рождаетъ планеты, какъ нынѣ стала утверждать наука, и въ видѣ лучей испускаетъ на всю область своихъ планетъ свѣтъ и теплоту, которая отражаясь отъ планетъ, снова возвращается къ своему началу. Сколько у насъ стихій? Всего три: земля, вода и воздухъ. Огонь не есть особая стихія, а явленіе борьбы двухъ противоположныхъ газовъ. На сколько царствъ дѣлится наша земля? На царство стихій, на царство минераловъ и бездушныхъ тѣлъ, не имѣютъ ни чувства, ни самоуваженія и на живыя творенія. На сколько эти живыя творенія? Такъ же на три: на растенія, въ которыхъ замѣчается только внутреннее самодвиженіе, на животныя, обладающія не только свободою движеній, но и самочувствіемъ и на родъ человѣческій, въ которомъ преобладаетъ и самосознаніе. Каждая семья состоитъ изъ отца, матери и дѣтей. Откуда это по всюдное отчество и сыновство? Непоказываетъ ли все это, что въ самой глубинѣ, въ послѣднемъ основаніи всей природы какая-то таинственная троичность? Что самый Творецъ ея есть единство въ троичѣ и троича въ единствѣ? а).

Если-жъ Богъ и до сотворенія міра никогда не былъ существомъ, такъ сказать одинокимъ, а отъ вѣчности существуетъ въ трехъ Божественныхъ лицахъ; если Божественная его жизнь состоитъ во взаимномъ общеніи этихъ Божественныхъ лицъ, тѣмъ болѣе наша (жизнь) для развитія своего требуетъ взаимной любви и взаимнаго общенія. Вѣра наша требуетъ союза не только между нами и Богомъ, но также и союза нашего другъ съ другомъ. Одно съ другимъ

а) Самое рожденіе и изхожденіе одного лица отъ другаго въ некоторомъ образѣ изображается въ семь нашихъ первыхъ родоначальниковъ: первый человѣкъ, какъ безъ отца и матери, какъ-бы лице самобытное, Ева, произведенная изъ ребра его не рождается, а изводится или исходитъ изъ него, а все его потомство рождается отъ него.

въ такой связи, что кто по слову Апостола и Евангелиста Иоанна, говоритъ о себѣ, что онъ любитъ Бога, а между тѣмъ брата своего ненавидитъ, то это ложь, потому, должно быть отъ, что кто не любитъ брата, котораго онъ видитъ, какъ онъ можетъ любить Бога, котораго невидитъ? Тѣмъ болѣе что мы имѣемъ прямую заповѣдь отъ Него, чтобъ всякій любящій Бога, любилъ и брата своего (Ивн. IV 21). Бога не видѣлъ ни кто и никогда, но если мы любимъ друга друга, то Богъ въ насъ пребываетъ и любовь Его совершилась въ насъ (12). Но взаимная любовь не должна прекращать разности нашихъ отношеній въ быту семейномъ, ни въ гражданскомъ, ни въ политическомъ. Три Божественныя лица пресвятая Троица всѣ равнаго достоинства, посмотрите какая разность въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ какъ по бытію, такъ и по всѣмъ Божественнымъ дѣйствіямъ, какія совершаетъ Господь въ міръ—Отцу принадлежитъ единоначаліе; Отецъ живущій въ свѣтъ неприступномъ, въ тройственномъ таинственномъ свѣтъ, все предопредѣляетъ, Сынъ Его все это осуществляетъ, а Духъ святый все, такъ сказать, собою завершаетъ и оба въ исполненіи воли отца другъ другу содѣйствуютъ, Отецъ заповѣдуетъ Сыну искупленіе рода человѣческаго и Сынъ это принимаетъ, какъ заповѣдь, по принимаетъ такъ, какъ—бы на это была Его собственная воля. Потому, любитъ Меня Отецъ, говоритъ Онъ, что Я отдаю жизнь мою, ни кто не отнимаетъ ея у Меня, но Я вамъ отдаю ея. Свою заповѣдь получилъ Я отъ Отца Моего (Иоан. IV. 10—18). Духъ Святый чрезъ пророковъ приготовляетъ родъ человѣскій къ Его принятію. Самъ непосредственно присѣняетъ пресвятую Дѣву предъ Его зачатіемъ, и за тѣмъ, по Его (зачати) воплощеніи сопровождаетъ Его во всѣхъ Его дѣйствіяхъ; а по вознесеніи Его на небо въпосылаетъ на святыхъ Его Апостоловъ и на всю православную Его церковь, чтобъ заступивъ Его мѣсто, онъ чрезъ изліаніе на нихъ—даровъ своихъ, далъ имъ усвоить Его заслуги и плоды Его искупленія,—тѣмъ же соединить ихъ со Христомъ и въ міръ, Его возвести, наконецъ и къ единству святой Троицы, да Богъ единъ, какъ въ писаніи сказано, будетъ *будетъ* *всическая во всякъ*. Если такъ, то тѣмъ болѣе, хотя не совершенно такіа-жъ, по крайней мѣрѣ подобныя отношенія должны быть и между нами,—къ высшимъ послушаніе, къ равнымъ взаимное со-

дѣйствіе, а въ низшимъ отеческая любовь, управляемая благо-разуміемъ, чтобъ внушаемое или поручаемое имъ исполнялось ими не по насилью, а по любви и по собственному ихъ расположенію, какъ бы на это была ихъ собственная воля, лишь въ крайностяхъ, дозволяя себѣ отступленіе. Если-бы между нами установились такія отношенія, то мы въ самихъ себѣ увидали-бы отраженіе непонятной намъ теперь внутренней жизни пресвятой Троицы, все, какъ истинные члены тѣла Христова (чѣмъ Апостоль Павель и называетъ всю Христову церковь соединились бы въ одно и въ лицѣ Господа нашего Иисуса Христа, какъ истиннаго Сына Божія сами сдѣлались—бы участниками единой Божественной жизни. О чемъ и была послѣдняя молитва нашего Господа и Спасителя къ Отцу небесному: *да вси будутъ едино, какъ говорить Онъ въ заключеніи этой молитвы, какъ Ты, Отче во Мнѣ и Я въ Тебѣ, такъ и они да будутъ въ насъ едино.* (Іоан. XVIII 21).

А какъ-же достигнуть того, чтобъ Онъ былъ въ насъ, а мы въ Немъ? *Никто не приходитъ къ Отцу,* сказалъ Господь Иисусъ Христосъ по одному случаю, *только Мнѣю,* а какъ прійти къ Нему самому, чтобъ войти съ нимъ въ личное соединеніе съ полнымъ правомъ на наследіе вѣчныхъ благъ, обещанныхъ членомъ церкви въ соединеніи съ Богомъ. Не иначе, какъ при содѣйствіи благодати св. Духа, который, по Его отшествіи скоро и низпосланъ, по ходатайству нашего Спасителя на первую христіанскую церковь такъ какъ со Христомъ насъ соединяетъ вѣра въ Него, какъ обещаннаго намъ Мессію—нашего Господа, съ пріятіемъ съ тѣмъ вмѣстѣ всей и Его Евангельской истины, а по слову Апостола Павла, *никто не можетъ наречи Иисуса Господомъ,* т. е. признать истиннымъ Сыномъ Божиимъ и нашимъ Спасителемъ, *только Духомъ Святымъ* (Коринт. XII, 3). Апостоль и Евангелистъ Іоаннъ называетъ Господа Иисуса Христа то Сыномъ Божиимъ, то Словомъ, которымъ все создано. Но это Слово и Духъ Божій такъ-же не раздѣлены въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ въ насъ наше слово съ дыханіемъ говорящаго. Оно дѣйствуетъ на слухъ человѣка и чрезъ слухъ проходитъ въ его душу. Это какъ-бы вѣншее откровеніе, а мысли душевныя чувства и сила ихъ дѣйствуютъ непосредственно на внутр. нашего человѣка. Слово ограни-

чивается известным пространством и временем, преимущественно переходя отъ одного къ другому, а Духъ Святой, живущій въ каждомъ истинно вѣрующемъ въ одно время можетъ простираться на всѣхъ членовъ церкви Божіей, на какія бы пространства между собой раздѣлены ни были, такъ какъ, по молитвѣ къ Нему церкви, Онъ вездѣсущъ и вся собою исполняющій. *Вѣра* возникаетъ въ насъ, какъ замѣчаетъ Апостоль Павелъ, *отъ слуха*, но укрѣпляется только благодатию святаго Духа, почему, по крещеніи, тотъ-часъ-же и слѣдуетъ миропомазаніе, чрезъ которое сообщаются ново-крещенному дары Св. Духа. Укрѣпляя вѣру въ слово истины Христовой, Духъ Св. съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпляетъ или, по выраженію самаго Спасителя, *облекаетъ силою* нашу волю, а размягчая сердце своимъ внутреннимъ помазаніемъ, насаждаетъ и сыновнюю любовь къ Богу и братскую ко всей братіи, во Христвѣ, изводитъ насъ изъ постыднаго порабощенія плоти, разторгаетъ узы грѣха, въ ней живущаго, и отъ земли возводитъ въ царство свободы, ибо *идеъ Духъ Господенъ*, говоритъ Апостоль Павелъ, *тамъ* и только тамъ и *свобода*, а съ тѣмъ вмѣстѣ развивается въ насъ и сладостное чувство, не выразимаго, по словамъ того-же Апостола, мира и тихой духовной радости, въ чемъ и состоитъ внутри насъ открывающееся царствіе небесное, къ которому мы призываемся, или уже и призваны, если ощущаемъ въ себѣ вѣяніе Духа Божія. Даже что? По выраженію другаго Апостола, — Петра, дѣлаетъ насъ *причастниками Божественнаго существа*. Этимъ-то и объясняется, отъ чего у насъ такъ много чудесъ отъ Святыхъ Божіихъ челоуѣковъ не только по ихъ смерти, но и при ихъ жизни, хотя теперь мы носимъ въ себѣ только еще *начатки Духа Божія*, какъ говоритъ Апостоль Павелъ, *ожидая полнаго усвоенія Богу и искупленія своего тѣла* (Рим. VIII 23).

Всякій изъ насъ, по крещеніи, запечатлѣвается дарами святаго Духа, необходимыми для сохраненія въ немъ той

правственной чистоты, какой мы сподобляемся въ тайствѣ
крещенія. Но мы должны знать и помнить всегда, что Духъ
св. преподается намъ въ это время только въ помощь наше-
му духу; безъ содѣйствія же ему съ нашей стороны, — безъ
насъ онъ не сдѣлаетъ ничего для насъ. Поэтому (Апостоль)
Павель въ посланіяхъ своихъ и убѣждаетъ вѣрующихъ: *Ду-
ха въ себѣ не угашайте, исполняйтесь духа*, или, по выра-
женіи въ посланіи къ епископу, имъ постановленному, Ти-
мофею: *возрѣвай ои себѣ духа*. При нашемъ возрожденіи въ
жизнь Христову — благодатную дѣлается то же, что и по рож-
деніи младенца въ обыкновенную жизнь мірскую. По выходѣ
младенца на свѣтъ, воздухъ, входя въ него легкія и тамъ
соединяясь съ его кровію, которую слово Божіе называетъ
душею всякой животной жизни, и при встрѣчѣ съ нашимъ
внутреннимъ, онъ производитъ тамъ родъ пламени, чрезъ что
кровь въ нашихъ жилахъ окрашивается, теплота развивается
по всему его тѣлу и даетъ ему возможность пользоваться,
сколько возможно въ его возрастѣ, всѣми своими членами.
Но вѣдь не довольно ему одинъ разъ вдохнуть въ себя
внѣшняго воздуха; чтобы жить, нужно дышать имъ во все
продолженіе жизни. Духъ Святой, по сравненію Самаго Гос-
пода Іисуса Христа, для новой нашей благодатной жизни,
есть нѣчто похожее на воздухъ; только это воздухъ живой,
самодѣйственный, Божественный, — Духъ, по выраженію кни-
ги Премудрости, *проходящій сквозь всѣ души*. Что обыкновенный
воздухъ для возбужденія, очищенія и для всѣхъ откровеній
крови въ нашемъ тѣлѣ, то Духъ Св. — для нашей души.
Оградите себя отъ внѣшняго воздуха на продолжительное
время и довольствуйтесь внутреннимъ воздухомъ своей ком-
наты вы или заболите, или даже умрете. Поэтому чаще со-
вѣтуютъ врачи открывать окна дома для сообщенія съ внѣш-
нимъ воздухомъ. Такъ и для душъ нашихъ нужно чаще и
чаще приходиться въ общеніе съ Духомъ Божіимъ, отверзать
Ему двери души своей.

Но какъ же можно вдохновляться Духомъ Святымъ? По объясненію Апостола Павла, исполняя всѣ свои обязанности отъ души, какъ предъ очами самаго Господа, взаимнымъ назиданіемъ собою псалмами, гимнами и пѣніемъ духовнымъ (Евѣл. Мѣ 19), да чаще всего молитвою, хотя впрочемъ и самое упражненіе въ пѣніи священныхъ пѣсней, есть упражненіе молитвенное. — Какъ въ первый разъ въ горницѣ Сионской Духъ Святой сошелъ на Апостоловъ и всѣхъ, бывшихъ съ ними во время ихъ молитвы, такъ и въ другой разъ, когда они собрались на молитву отъ угрозъ, содѣланныхъ имъ начальниками Синагоги, воспрещавшимъ имъ проповѣдывать о Христѣ, все также въ продолженіи ихъ молитвы. Отъ этого сказано въ книгахъ Апостольскихъ дѣяній *все мѣсто*, гдѣ они молились, *поколебалось* и они снова исполнились Духа Святаго и, одушевляясь имъ, смѣло уже стали проповѣдывать слово Божіе. Для сообщенія со внѣшнимъ воздухомъ, мы открываемъ окна во внѣ, а для сообщенія съ Духомъ Святымъ, который проходитъ сквозь всѣ души, нужно чаще открывать окно внутрь себя. Когда мы внушеніями Его не пользуемся, онъ какъ-бы погасаетъ въ насъ, но во время молитвы, если только изходитъ она у насъ прямо изъ сердца, онъ вновь въ насъ какъ-бы возбуждается, разгарается и изходитъ изъ глубины нашего (духа) существа, какъ-бы извиѣ на насъ исходящій.

Слово въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ. — Два слова на праздникъ св. Троицы.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Цехъ дозв. Цехоръ Магистръ Протоіерей П. Палициль. Августа 15 дня 1883 года.